

НАТАЛИЯ МАТВЕЕВА

АКВАМАРИН

2015

Наталия Матвеева

Аквамарин. Часть 1

«Автор»

2015

Матвеева Н. А.

Аквамарин. Часть 1 / Н. А. Матвеева — «Автор», 2015

Оливия Мартинес жила скучной и однообразной жизнью в закрытом пансионате для девочек на Сицилии, вдали от родных и близких ей людей, но после ее возвращения в родной Нью-Йорк, эта жизнь резко закончилась. И еще бы! Разве у дочери самого влиятельного и могущественного крестного отца нью-йоркской мафии может быть спокойное, обыденное существование? Событие за событием приводит к тому, что между кланами двух мощнейших мафиозных семей начинается противостояние и, неизвестно, кто из них сможет победить, и скольким еще предстоит пасть в этой бойне, не совсем случайно развязанной этой молодой девушкой с ангельской внешностью, но с дьявольским характером, упорно движущейся к своей единственной цели...

© Матвеева Н. А., 2015

© Автор, 2015

Наталия Матвеева

АКВАМАРИН

Роман

Natali-100@pochta.ru

Я разломана, порвана в клочья,
Мое сердце иссохлось от злости,
Одиночества холод колючий
Прогрызает внутри меня кости;
И не вспыхну, не стану звездой
Я на чем-нибудь небосклоне,
Но как будто фонарь на перроне,
Осветит он листок в сухой кроне.
И сожжет в моем сердце ненастье
Теплый луч, что был рядом со мною,
Но не станет отменой неверию
И не вспыхну в его небосклоне.
И в момент, когда ненависть к миру
Улетит, как орел, к горизонту,
Вдруг откроется жизнь среди смерти,
Освежит теплым ливнем сухое,
То сухое, то самое сердце,
Что испил люцифер одиночества,
И смогу засиять ярче солнца я,
Фонаря свет служил мне пророчеством.

Глава 1

Она в последний раз окинула взглядом серую комнату, чувствуя и грусть, и одновременно угрюмое злорадство. Наконец-то ее заточение подошло к концу и впереди ее ожидает большой и волнующий внешний мир, о котором девушка знала очень немного, в основном из фильмов, книг и рассказов соседки по комнате, которая, в отличие от нее, могла каждые выходные выходить в город, потому что была примерной девочкой и слушалась преподавателей.

Раньше комната была немного другой. Когда ей было шесть, на стенах красовались зеленые обои с крупными ромашками, а пол был вечно усыпан разными игрушками (которые являлись собственностью пансионата, между прочим) и фантиками от сворованных у своей же воспитательницы конфет. В десять эти же ромашки были с успехом запрятаны под красочные гляцевые плакаты героев диснеевских мультфильмов и непонятно как затесавшийся в эту компанию одинокий плакатик с Бивисом и Батхедом. В четырнадцать со стен взирали красавцы из когда-то популярных групп N Sync и Backstreet Boys, а вот в восемнадцать, кажется, девочкам захотелось почувствовать себя взрослыми – Nirvana и Sex Pistols смотрели буквально с каждого сантиметра стен.

Сейчас она окидывала взглядом пустую комнату, в которой прошла практически вся ее жизнь, оглядывая серые голые стены, две железные кровати на пружинах, стол посередине у небольшого окна, вид из которого разбавляли две белые березы и серая кирпичная стена соседнего общежития, и зловеще улыбалась, сжимая в руках белый конверт.

Ее звали Оливия Абрамс. И она провела шестнадцать лет своей жизни в закрытом пансионате для девочек-сирот и девочек из неблагополучных семей «Санта Лючия» на Сицилии, в Италии. Хотя сама родилась в Нью-Йорке. В семье самой известной и самой устрашающей в городе – в семье главаря мафиозного клана Эйдена Мартинеса, уроженца Сицилии. И да, ее настоящая фамилия – Мартинес – была под строжайшим запретом. О ней никто не должен был знать здесь, в Италии. У отца везде было много врагов.

Оливия попала в приют, когда ей было всего шесть лет. Это случилось сразу после гибели ее матери от рук заклятого врага отца – мафиози Рико Карелли по кличке «Аркан». С того ужасного вечера в жизни Оливии и ее старшей сестры Джессики произошли серьезные перемены. Отец, ни на секунду не замешкав, принял решение отослать Оливию в закрытый пансионат на Сицилию, а Джессику (на тот момент ей было десять) благополучно забрал с собой как старшую и как единственную наследницу его дела, так как сыновей у него не было. Оливия умоляла оставить и ее, спрятать на окраине Нью-Йорка вместе с Джесси, но отец был непреклонен, и девочка, совсем недавно потерявшая мать (которую убили прямо на ее глазах выстрелом в голову), осталась одна.

Наверное это, да и многое другое, повлияло на становление своенравного, злого и склочного характера Оливии. Она была холодной и решительной, язвительной и саркастичной, бестрашной и упрямой, как черт. И у нее были серьезные проблемы с контролем гнева. Очень серьезные. Но насмешливо отмахиваясь от всего и вся, Оливия жила так, как ей нравится, не слушаясь никого, хоть и была единственной вечно наказанной студенткой с самого детства.

Но сейчас был конец мая. Оливии исполнилось 22 года, а это значит, что программа пребывания в пансионате завершена, и теперь она свободна! Лив язвительно усмехнулась. И Боже! Как эта усмешка не вязалась с ее внешностью! Любой, встретивший ее на своем пути, мог поклясться, что эта девочка – ангелочек во всех смыслах.

Лив была яркой блондинкой с густыми, чуть вьющимися волосами до талии, пышными прядями спадающими на ее нежные плечики и спину, ее рост не превышал 160 сантиметров и фигурка была такой стройной и элегантной, будто специально созданной для того, чтобы противоречить коварным и злобно-насмешливым фразочкам, вылетающим из ее милого ротика. Ее личико, на которое то и дело падали более короткие, волнистые светлые прядки, было воистину прекрасным: большие, ярко бирюзовые, светящиеся внутренним и каким-то обманчиво невинным светом глаза, обрамленные пышными, темными, в разрез с волосами, ресницами и такими же странно темными, но аккуратными дугами бровей, небольшой носик, румянец на бархатистых щеках и алые нежные губки... О, да, Лив была обворожительна.

С детства переживая за свой небольшой рост, Лив занялась спортом и стала ходить в секцию по художественной гимнастике, открывшуюся при пансионате. Нагрузки были невероятно тяжелыми, но Лив, в отличие от многих других девочек, уперлась, как ослица, и преодолевала все трудности с завидным упорством, тренируясь и утром, и днем, и вечером, выплескивая свою бешеную, но все по-прежнему негативную энергию. Она наращивала силу внутри себя, не желая признавать слабость, и это трансформировалось в идеальную фигурку с очаровательно подтянутым животиком и невероятно стройными ножками.

Конечно, в пансионате для девочек красоваться было не перед кем, так что Лив не обращала внимания на свою, светящуюся, белую и хрупкую красоту и в ее больших зелено-голубых глазах на смену невинному сиянию чаще приходила ледяная насмешка и жестокость. Девочки сторонились ее, но у Лив все же были подруги, аж целых три: соседка по комнате Ника и две девочки из соседней комнаты – Мэри и Рэй, которые не только примирились с взрывным нравом Оливии, но и научились весело смеяться над ней и парировать ее словам, не принимая всерьез богатые эпитетами и метафорами ругательства. Девочки не знали, что отец Оливии – босс мафии. Не смотря на презрение к отцу, Лив очень много знала о жизни в мафиозной семье и понимала, что, озвучив настоящую фамилию, она поставит на себе мишень для какого-нибудь

дурацкого покушения с целью выкупа, либо просто для пули в лоб. Она не боялась смерти, потому что считала жизнь никчемным подарком Всевышнего, который, шутки ради, испортил все, что могло бы у нее быть, но оставил ей существование, чтобы она конкретно помучилась. Так зачем бояться? Смерть так смерть... Но тогда, когда она сама решит. Именно поэтому Оливия гордо носила фамилию Абрамс и без конца нарывалась на неприятности своим хулиганским поведением и острым языком.

И сейчас, прекращая нудное описание блондинистой выскочки, возвращаемся в пустую комнату, посередине которой эта вышеупомянутая особа и стояла в уверенной позе и нежно розовой, с белыми горошинками, пижамке, состоящей из майки на тонких лямках и коротких шортиков, открывавших ее стройные ножки. Оливия сдула прядь волос, упавших на лицо, и крепче сжала письмо отца в кулаке. Он знал, что ее учеба заканчивается, и приказал немедленно вылетать в Нью-Йорк. Для серьезного разговора. Так было написано в письме. Лив ухмыльнулась. В конце была приписка: «Я люблю тебя, моя девочка, хоть знаю, что вернуть твое доверие будет непросто. Но знай – я очень-очень-очень скучал. Вылетай ближайшим рейсом и не вздумай опаздывать, иначе я пришлю своих людей, чтобы они помогли тебе собраться и при этом не забыть голову в этом чертовом пансионате! Билет в конверте. Пока, крошка».

О, да. Ей определенно было о чем поговорить с отцом. Но сначала нужно успокоить внутри себя порыв врезать ему чем-нибудь тяжеленьким... Да, она отвыкла от семьи, которой у нее практически не было.

– Ну и что дальше? – услышала она позади себя веселый голос, и в комнату легко влетела высокая брюнетка с короткими, прямыми волосами, тонкой талией и невероятными ногами «от ушей». Она плюхнулась на свою кровать, где лежал матрас и подушка без наволочки, и счастливо улыбнулась, посмотрев на Лив.

Лив перевела серьезный ледяной взгляд в окно и жестко сказала:

– Полечу в штаты. Папочка ищет встречи. – язвительно проговорила она.

Ника изогнула брови и мило улыбнулась.

– Только прошу: не убивай его прежде, чем он все объяснит! И не бей по голове, ты же понимаешь...

Лив усмехнулась.

– Успокойся, подружка, этот сморчок засушенный будет жить. У меня было несколько дней, чтобы возненавидеть его снова, а затем остыть. – сказала она, бросая на стол письмо. – Вылетаю сегодня вечером.

Ника вздохнула и, закинув руки за голову, грустно посмотрела в потолок.

– Вот и все... Не могу поверить, что продержалась около тебя шестнадцать лет! Хотя... это было незабываемо! Мы еще увидимся? – с надеждой спросила она, посмотрев на Лив.

Лив улыбнулась, не излучая при этом уничижительного взгляда, а наоборот, с тоской и невероятной привязанностью посмотрев на Нику. Эта девочка стала ей ближе всех в жизни... Она и Мэри, и Рэй... Оливия села на край ее кровати и вздохнула:

– Ты мне как сестра. Если я не приеду к тебе в ближайшие пару месяцев, значит меня пристрелили в пьяной драке.

Девчонки рассмеялись. Ника села и хитро посмотрела на Лив.

– Можно я тебя обниму? Ну пожа-а-а-алуйста!!!

Ника знала, что Лив терпеть не может объятий, потому что считает их признаком слабости, хотя подружка была уверена, что Лив просто живет под маской Снежной Королевы, а на самом деле просто пытается избежать очередной привязанности... И она конечно была права. За шестнадцать лет жизни в одной комнате с человеком узнаешь его как облупленного.

Лив хихикнула, удрученно вздохнув. Она вдруг почувствовала, что тоже хочет обнять Нику и действительно будет по ней ужасно скучать...

– Ла-а-адно.... Только быстро! – разрешила она, и Ника, взвизгнув, бросилась ей на шею. Обнимая Лив, Ника весело и боязливо спросила:

– А поцелуйчик?..

– А в репу схватить не хочешь?

– Ну Лив! Малюсенький!! Ты даже не заметишь! И я никому не скажу, обещаю...

– Исключено.

– Ну пожалуйста!!!

– Нет.

– Sei così bella, non posso resistere! – сказала Ника и захихикала («Ты такая красивая, я не могу устоять!» – с итал.)

Оливия тоже хихикнула и ответила:

– Ok, ma allora hai promesso di venire da me a New-York. («Ладно, но тогда ты обещаешь прилететь ко мне в Нью-Йорк» – с итал.)

– Заметано! Ура-а-а! – и Ника кинулась на смеющуюся подругу, повалив ее на кровать и зацеловывая в обе щеки. Лив отбивалась, тоже хохоча. На шум прибежали Мэри и Рэй из соседней комнаты и застыли в дверях:

– Что тут происходит? – спросила Рэй, выпучив глаза.

– Ух ты! Да это же запретный ритуал целования нашей снежной королевы! Ника, мы с тобой!!! – и подруги, захохотав, бросились на кровать, присоединившись к Нике.

Глава 2

Аэропорт гудел вокруг нее, как рой разъяренных пчел, и голова Лив подпевала ему в унисон. Шестнадцать часов! Шестнадцать часов она и другие пассажиры борта 727 «Аэроатлантик» просиживали штаны в зале ожидания из-за невероятно сильного ливня и ветра за окном. Рейс задерживали, и по шкале от 1 до 12 Лив чувствовала себя где-то на 11 баллов, еле сдерживаясь, чтобы что-нибудь не разгромить. Внутри нее все пылало, внутренности как будто плавились, и девушка хорошо знала это чувство, которое легко может скинуть ее с тормозов.

Она сидела на жестком кресле, развалившись как можно более удобно и закинув обе ноги на гигантский чемодан с колесиками. Запрокинув голову назад и сложив руки на груди, Оливия дремала, вполуха слушая объявления холодного женского голоса из динамиков. На ней была простая белая майка с широкими лямками и легкие тряпичные цветастые штаны, не обтягивающие ноги, но сидящие на ее миниатюрной фигурке с милым изяществом. Образ завершали босоножки без каблука на тонких лямках и растрепанная грива светлых волос, спадающая в щель между спинками сидений и волнистой прядью закрывающая ей половину лица. Лив никогда не волновалась насчет того, как она выглядит, одеваясь только так, как нравится ей, но при этом у нее был какой-то свой неповторимый милый стиль нежной и мягкой леди, коей она, конечно, не являлась.

Рядом с собой она уловила осторожное движение, и раздражение начало выплескиваться из чаши терпения. Она отчетливо почувствовала мужскую энергетику и еле уловимый запах одеколона и сигарет и выдохнула, пытаясь держать себя в руках.

– Если ты сейчас же не освободишь это место, я подожгу твою куртку и намотаю ее тебе на голову, а затем разрешу всем остальным курить твои сигареты, поджигая их от получившегося факела! – ледяным, гневным тоном быстро проговорила она, не оборачиваясь и не открывая глаз.

В ответ ей прозвучал удивленный вздох и тихий мужской голос по-итальянски затараторил:

– Простите, я не хотел вам мешать, просто думал составить компанию, пока...

Лив открыла один глаз, который от гнева из ярко голубого превратился в насыщенно синий. Чувствуя, как стрелка на ее внутреннем котле переползает через красную отметку, она

посмотрела на молодого, черноволосого и очень милого мужчину, сидящего рядом и с опаской, но и восторженным любопытством разглядывающего Лив с ног до головы.

– Предупреждаю, обезьяна, если я открою второй глаз, и ты будешь еще здесь, я начну приводить приговор в исполнение! Усек, придурок?

Видимо мужчина почувствовал волну гнева, исходящую от маленькой и хрупкой блондиночки с эротично растрепанными волосами, и немного подался назад, смутившись и неприятно удивившись еще больше.

– Простите, леди, но...

От смерти парня спас громкий металлический голос, заполнивший зал ожидания:

– Внимание пассажирам, рейс 727 «Аэроатлантик» Кальтаджироне – Нью-Йорк США отправляется через пятнадцать минут, выходы 1А и 3А, повторяю...

– Повезло тебе, брюнетик! – злобно, но весело проговорила Лив, легко вскакивая на ноги и хватая чемодан.

– Может вам помочь?.. – крикнул парень вслед стремительно уносящейся к вышеуказанным выходам на посадку девушке, но услышав ответ: «А кто тебе поможет, когда я переломаю обе твои ноги?», – юноша влюбленно улыбнулся и, подхватив свой багаж, бросился следом, загоровшись желанием во что бы то ни стало познакомиться с этой блондинкой с ангельской внешностью и дьявольским характером.

Глава 3

Семь часов полета и Лив, жутко усталая, злая на весь мир и невероятно голодная, наконец, прибыла в солнечный Нью-Йорк, где лето только начинало качать свои права на жаркую погоду. Отвязавшись, наконец, от надоедливого Федерико, того самого черноволосого, что пытался подружиться с ней в зале ожидания Кальтаджироне (пришлось воткнуть ему вилку в колено, банально, конечно, но зато эффективно!), Лив замотала свои густые, непослушные волосы в торчащий во все стороны пучок и закрепила его небрежно воткнутым оранжевым карандашом, который Лив незаметно свистнула у стюардессы, и, подхватив чемодан, направилась к выходу, чувствуя, наконец, что гнев проходит, а на смену ему внутри начал растекаться адреналин и любопытство...

Внешний мир и американцы совсем не такие омерзительные и приставучие, как она себе представляла...

Пройдя через раздвижные стеклянные двери, Лив оказалась за пределами аэропорта и увидела перед собой толпы встречающих и провожающих, обнимающихся, смеющихся и плачущих, ругающихся и, наоборот, нахваливающих друг друга людей... Среди этого моря разговоров и тел, Лив увидела обширную парковку с огромным количеством автомобилей, дорогу на выезд в город и вдаль: сам город – чудо-громадину с нереально высокими зданиями, мигающими рекламой и неоновым... Ностальгия накатилась на Лив, и она на секунду замерла, вспоминая те дни, когда видела родной город последний раз. Ее сердце сжалось, а перед глазами встал образ мамы, которой ей так не хватало, что, казалось, будто Лив дышит одним легким, и воздуха так мало...

– Лив. – услышала она вопросительно-утвердительное восклицание и моментально вернулась из воспоминаний на землю. Секунда ушла на то, чтобы заметить прямо перед собой черный «Кадиллак», блестящий, огромный и, видимо, бронированный, с устрашающей тонировкой и не менее устрашающими на вид двумя здоровяками в дорожных черных костюмах, черных рубашках, с микрофонами в ушах и явно вооруженных, так как их левые руки синхронно подрагивали около талии, судя по всему, в надежде за секунду вытащить оружие и спасти дочку Мартинеса от внезапного покушения... Или дочек...

Лив быстро посмотрела в сторону голоса, окликнувшего ее.

Джессика. Ну конечно. Оливия чуть наклонила голову, разглядывая сестру, которая с не меньшим любопытством, а также с невероятным волнением пялилась на Лив, оглядывая ее с ног до головы.

Джессика тоже была красивой. В отличие от Лив, она была выше, ноги были длиннее и такие же стройные, как у сестры, а на голове, вместо светлой, пышной гривы, падающей на лицо, красовалась аккуратная прическа из прямых, до середины спины, каштановых волос с косой челкой, которая, между прочим, тоже вечно падала на один глаз. Глаза у нее были тоже голубые, но ближе к серому, а не зеленому, а личико сражало своей нежностью и аккуратностью. Сестры были похожи внешне, не считая кардинально разного цвета волос и стиля одежды... Лив успела заметить на Джессике черное, облегающее платье, подчеркивающее ее стройную фигурку, и замшевые туфли на высоком каблуке. Она выглядела как шикарная бизнес-леди с отличным вкусом.

– Джесси. – утвердительно произнесла Лив, и ее сердце бешено забилося. Секунду они стояли друг напротив друга, а затем бросились обниматься.

Джесси мелодично засмеялась.

– Лив! Мне так тебя не хватало! Я...

Они оторвались друг от друга и Лив заглянула в полные слез глаза Джессики.

– Не надо, Джесс. Все в прошлом. – жестко сказала Лив и глаза Джесс расширились от удивления: она явно не ожидала такого тона.

– Ты изменилась. Я предполагала это. – спокойно сказала Джесси, с интересом разглядывая сестру. – Как перелет?

– Весело. – чуть прищурившись, проговорила Лив. – Шестнадцать часов в зале ожидания на жестком кресле, в желудке только сэндвичи с беконом и дешевым сыром, какой-то кретин пытался приставать, но я воткнула ему вилку в ногу, и, наконец, ужасная турбулентность, но моя мечта, чтобы мы упали где-нибудь над Атлантикой, не сбылась.

Джессика шокировано уставилась на сестру и попыталась что-то ответить, как вдруг Лив почувствовала, как на них налетел и окружил своим невероятным, стремительным вниманием до ужаса веселый, немного сумасшедший, но при этом обаятельно-брутальный мужской голос:

– Эй, Джесси, клубничных леденцов на палочке не было, так что я взял мармеладных улиток, думаешь ей понравятся?..

Джессика саркастично улыбнулась и проговорила, обращаясь к юноше, налетевшему на них, как вихрь:

– Джонни, ты забыл, что ей уже не шесть? Думаю теперь она предпочитает...

– Шоколадный пудинг. – закончила Лив, уставившись на юношу, который с не меньшим интересом разглядывал ее. Внутри ее сердца что-то дернулось, и воспоминания вместе с яркими эмоциями детства нахлынули на нее. – Но клубничные леденцы для меня по-прежнему на первом месте... Джоонни... – протянула она, улыбнувшись и вспоминая, вспоминая...

Джонни весело улыбался и жевал мармелад, глядя на Лив. Он был невероятно красив: высокий, темноволосый, волосы спускались на затылок слегка волнистыми прядками, правильный нос, трехдневная щетина, темные брови и... ярко зеленые глаза. Лив несколько секунд пристально смотрела в них, думая, что утонула навсегда. Они сияли игривым огнем, веселым обаянием, страстью и жаром, он пронизательно, с любопытством и игривым восторгом оглядывал без стеснения Лив с ног до головы, при этом девушка буквально физически ощущала невероятную, стремительную энергию и мужскую силу, исходившие от него и окружившие ее в вихре эмоций... Джонни-красавчик улыбнулся сияющей, обольстительной улыбкой, продемонстрировав потрясающие ямочки на щеках и сражая наповал своим притяжением, так что Лив долго не могла оторвать глаз от его лица, искорок в глазах и нереального огня, и, конечно, не сразу заметила идеальную, мускулистую фигуру, облаченную в потрясающую черную, идеально сидящую, футболку, джинсы, декоративно рваные на коленках и заливчатские синие

«найковские» кеды с характерной красной галочкой по бокам. О да, она помнила того мальчишку, который учился с ее сестрой в одном классе и постоянно бегал с ними гулять, развивая невозможную скорость... Этот вихрь остался, а вместо мальчика Лив разглядывал очаровательный и сексуальный молодой мужчина... жующий мармелад.

– Чтоб мне провалиться на этом месте... Это что – Оливка? – присвистнул Джонни и медленно обошел вокруг стоящей Лив, откровенно, не стесняясь, разглядывая ее фигуру с ног до головы, уделив особое внимание ножкам, попке и груди, с любопытством глянув на цветастые штаны и рыжий карандаш в волосах. Оливия поморщилась, услышав свое детское прозвище, но страстный и откровенный взгляд Джонни смущал ее и сбивал с толку. Она не привыкла к такому вниманию – главным минусом всей ее жизни было отсутствие какого бы то ни было опыта взаимоотношений.

– Ладно, за то, что ты качал меня в детстве на качельке, я прошу тебе «Оливку» ... сейчас. Но в следующий раз, Джонни, ты получишь такого грандиозного пинка, которого тебе еще никто не отвечивал, обещаю! – гневно прищурившись, произнесла Лив, однако через секунду ее лицо вновь стало милым.

Джонни весело расхохотался и игриво, со страстным огоньком, подмигнул:

– Я учту это, малышка Лив! – он тут же обаятельно наклонился к ее уху и горячо шепнул:

– А ты красивая, Оливка. – и тут же отскочил, увидев, как загорелись ядерным гневом глаза Лив, и двинулся к машине со смехом: – Пора ехать! Папочка зажался.

Джессика закатила глаза и проговорила с шутливым раздражением:

– Не обращай внимания, Лив, он все такой же придурок.

Лив ухмыльнулась и вдруг физически ощутила на себе оценивающий и до неприличия похабный мужской взгляд. Как она чувствовала, когда на нее смотрят? Она не знала. Но понимала, что это можно использовать в свою пользу. Прищурившись, она повернулась.

Один из охранников у «Кадиллака» пошло оглядывал ее с ног до головы, но заметив, что Лив на него смотрит, поспешно увел глаза в сторону. Оливия коварно улыбнулась и быстро подошла к нему. Он возвышался над ней чуть ли не на три головы, но Лив это нисколько не смутило. Она посмотрела на него снизу вверх и, мило улыбнувшись, спросила:

– Привет, громила. Как погода в Нью-Йорке?

Охранник ужасно смутился и глухо проворчал:

– Хорошая, мисс Мартинес.

Оливия чувствовала, как внутри нее лопается небольшой, но весомый шарик гнева. Она холодно улыбнулась.

– Отлично, тогда наслаждайся погодой, дылда, или я сломаю тебе глаза. – и с улыбкой она сама открыла дверь «Кадиллака» и влезла внутрь. Охранники остолбенело посмотрели на нее, но очнувшись, вспомнили, что нужно придержать дверь, и вежливо обслужили Джессику и Джонни, севших с другой стороны.

Джонни обнял Джесс за шею и посмотрел на нее... Лив смутилась. Он посмотрел на нее, как на свою женщину, как на... вкусный торт. Она вдруг поняла, что у них отношения, и ощутила внутри странный толчок. Джонни быстро перевел взгляд с сестры на Лив и снова игриво подмигнул ей:

– А ты прикольная! Вообще ничего не боишься! Это классно. Мармеладную улитку?

Лив с удовольствием взяла угощение, потому что сладости – это единственное, что приносило ей истинное наслаждение в жизни. Джесс укоряюще посмотрела на Джонни и проговорила, стараясь скрыть нотки ревности в голосе:

– Ты идиот, ничего не боятся только такие, как ты, тоже идиоты. И это совсем не классно...

– Ревнуешь, милая? – обаятельно и притягательно спросил Джонни, сражая своей сияющей улыбкой. Джессика покачала головой и посмотрела на Лив:

– Некоторые вещи не меняются, сестра.

– Эй! Я не... – хотел было возразить Джонни, но Лив, пересиливая любопытство, ровным голосом спросила:

– Вы встречаетесь?

– О, это очень увлекательная история! – начал было Джонни, но тут же посмотрел в окно и, нахмурившись, – на водителя. – Эй, Бобби! Почему не едем? Думаешь, не ту девочку забрали?

Лив триумфально улыбнулась, увидев, как растерянно тот самый охранник, что рассматривал ее, шарится по карманам и оглядывает асфальт около машины.

– Простите, мистер О-Конелл, не могу найти ключи! Черт... – и добавив пару крепких выражений на сицилийском он испуганным взглядом посмотрел на него и Джессику.

Лив саркастично улыбнулась и проговорила:

– А под сиденьем смотрел?

Охранник послушно сунул голову под себя, и тут Лив разжала ладонь, показывая ошалелым Джонни и Джессике ключи, которые она незаметно стащила из кармана охранника, пока говорила с ним о погоде, и резко кинула их в массивную, нагнувшуюся спину со словами:

– Запомни, дубина Бобби, глаза тебе еще понадобятся! А вот зажигалочку, пожалуй, оставлю себе... – задумчиво проговорила она, разжав вторую руку и показывая всем серебряную, с черепами и гравировкой, зажигалку, которая лежала в другом кармане Бобби. Тот в шоке и испуге смотрел на Лив, затем сглотнул и завел машину, глухо проворчав:

– Спасибо, мисс Мартинес, как вам будет угодно. – и шепотом добавил:

– Чтоб ты в аду поджарилась вместе со своим папашей, стерва...

Лив услышала и это, хотя кроме напарника и самого Бобби этого никто не слышал, и громко расхохоталась:

– Я все слышу, громила! Ай-яй-яй! – она поцокала языком и погрозила совсем струхнувшему и как-то вжавшемуся в сиденье мужику пальчиком.

Джессика и Джонни шокировано смотрели на Лив, а затем разразились громким смехом.

– Оливка! Ну ты даешь! И как у тебя это получилось? – хохотал Джонни.

– Лив, ты что, воруешь? – удивленно и немного строго спросила сестрица, но сноваглянув на пришибленного Бобби, расхохоталась.

Оливия пожала плечами, играя с новой зажигалкой.

– Слушай, малышка Лив, ты точно прибыла сюда, чтобы дарить мне сказочное настроение! – обаятельно проговорил Джонни и Лив ощутила прилив удовольствия, но, конечно, не показала этого. – Да еще и красотка, похожа на Белоснежку! Можно я тебя...

– Джонни! – остановила его Джессика, уже не скрывая ревности, и тут же поспешила сменить тему. – Оливия, расскажи о себе?

Лив посмотрела вперед, увидев гигантскую автомобильную пробку на выезд из аэропорта, и поморщилась. Она вообще не любила говорить о себе... Тем более рассказывать особо было нечего... Шестнадцать лет в пансионате для девочек, одиночество, злость... Но сестра так тепло смотрела на нее, а Джонни с таким восхищением пялился на ее ноги, впрочем, с тем же восторгом он потом слушал ее рассказ, так что она, продолжая играть с зажигалкой, скороговоркой заговорила:

– Всем привет, я Оливия Эйден Мартинес, мне двадцать два и родилась я в Нью-Йорке. До шести лет у меня была нормальная семья, как, впрочем, и я сама, ну если считать нормальным папу мафи-барона и маму мафи-королеву, а потом случилось убийство моей мамы, и отец послал меня куда подальше, а дальше Сицилии он видимо стран просто не знает, хотя в Сибири мне понравилось бы куда больше! Я провела шестнадцать лет в закрытом пансионате для девочек-сирот, девочек – малолетних преступниц и просто девочек, проживая в комнате с токсикоманкой, которая не могла жить без запаха чужого мыла. Да, именно чужого, а не сво-

его! Так что я научилась в совершенстве тырить вещи именно у нее, и моя карьера началась с клубничных конфет моей наставницы леди Франчески... Но это довольно скучно. В детстве я была похожа на маму, а сейчас больше напоминаю разъяренную кобру. Я угрюмая, нелюдимая, терпеть не могу дружбу и постоянно влипаю в неприятности. Мой пятый психотерапевт сказал, что у меня большие проблемы с контролем гнева после того, как я захотела отрезать ему уши ножичком для бумаг. Из-за того, что я вечно была наказана, по выходным мне, как неуравновешенной злючке, в основном, было запрещено выходить с территории пансионата, так что вещи себе я заказываю по интернету... Я могу врезать, могу обмануть, могу сломать шею, и моя шкала гнева насчитывает от одного до двенадцати баллов, после которых я уже за себя не отвечаю. Мой шестой психотерапевт сказал, что у меня душевная травма на почве гибели матери и отсутствия рядом родных людей, отчего я никак не могу отойти... Дальше его речь прервалась, потому что я проткнула ему ладонь ручкой. Я ненавижу поп корн и обожаю сладости... И, да, я занималась художественной гимнастикой все эти годы, чтобы, в случае чего, одним ударом прибить любого ублюдка. Конеч!

Джессика смотрела на Лив с невероятной грустью, а Джонни, наоборот, сиял открытым восхищением и невероятным мужским магнетизмом. Оливия снова кольнуло чувство обиды, что они вместе, встречаются, у них любовь, а ведь в детстве все было одинаково, что у нее, что у Джессики по отношению к нему... Но она отмела это чувство.

– Оливка, да по тебе книжки можно писать! А сколько всего было психотерапевтов? – с любопытством спросил Джонни, а Джесс шикнула на него.

– Прекрати, Джонни! О таком не спрашивают! – она посмотрела на Лив и грустно тронула ее за руку. – Прости, сестричка, мне так жаль! Если бы я могла что-то изменить... Но мне нельзя было общаться с тобой, писать тебе, приезжать... Ты сильно злишься на отца?

Лив задумалась.

– Раньше злилась. А сейчас я сама могу о себе позаботиться, так что мне на него плевать... Хотя, думаю, я с удовольствием превращу его в мокрое место.

Джессика вздохнула.

– Лив... – тихо и тяжело сказала она. – Ты думаешь, он тебя бросил... Но это не так... Он спас тебе жизнь!

Оливия ощутила, как внутри нее все закипает. Видимо ее взгляд заискрился, потому что Джонни вдруг легонько дернул Джессику за руку и проговорил:

– Осторожно, Джесси... Она может ударить током.

Оливия медленно посмотрела на сестру. Джесси слегка испуганно отпрянула, увидев полыхающий гнев в ее глазах, но Лив еще могла держать себя в руках.

– Спас жизнь? – тихо, но очень жестко проговорила она. – Но зачем? Зачем вообще было ее спасать? Ради вот *такого* существования? – она сделала акцент на слове «такого». – Да лучше умереть, чем быть брошенной одной в шесть лет! Лучше знать, что у тебя вообще не осталось никого, чем понимать, что твои родные преодолевают трудности вместе! И Джесси... Еще немного – и я на ходу выскочу из этой машины, если ты захочешь продолжить разговор.

Джесси виновато опустила глаза, а Оливия резко остыла.

– Джесси. Я не обижаюсь на тебя и ни в чем не виню. Ты была ребенком, когда нас разлучили, и ты до сих пор живешь под давлением этого старого уголовника! Даже не думай грустить. – спокойно закончила речь Лив, рассеяно посмотрев на дорогу впереди.

Джонни улыбнулся, взглянув на Джесс.

– Ну вот. Дерьмовая жизнь у малышки, а утешать приходится тебя. Малышка Лив! – он перевел веселый взгляд на Оливию. – Отныне, я обещаю скрасить все оттенки черного в твоей жизни! Ну или хотя бы попытаюсь. – закончил он, увидев скепсис в глазах Лив.

Оливия ухмыльнулась и спросила:

– Ну а вы? Как давно вы вместе?

Джессика взглянула на Джонни и слегка замялась.

– Понимаешь, тут отчасти дипломатическое решение...

– Наши семьи решили объединиться. – просто сказал Джонни, весело жуя мармелад. – Отцы захотели соединить сферы влияния и скрепить многолетнюю дружбу узами брака своих детей...

– Короче они решили, что нам надо пожениться. – улыбнулась Джесси и бросила влюбленный взгляд на Джонни, тайком улыбнувшись так, чтобы он не видел.

Лив усмехнулась, догадавшись о ее чувствах, но тут же перевела удивленный взгляд на Джонни, вытаращив свои и без того огромные бирюзовые глаза. Джонни внимательно и, чуть прищурившись, заглянул в них и медленно, страстно улыбнулся:

– Вау.

Джесси посмотрела на него, но он успел отвести взгляд, а Лив, тем временем, воскликнула:

– Вы серьезно??? И... и когда... свадьба?

– Где-то через месяц. – ответила Джесси. – Отец должен официально передать мне половину своего бизнеса. Многие из дел я веду уже несколько лет. И отец Джонни сделает то же самое. Для оформления необходимых бумаг потребуется время и, когда все будет готово, мы поженимся.

Оливия задумалась, глядя в окно. Принцип мафии в том, что это в первую очередь семья. Босс мафии решает все, и его приспешники слушаются его безоговорочно. Что касается членов его кровной семьи, то они пользуются своим особым положением в качестве родственника Дона, но также во всем подчиняются ему – это неоспоримо. Джессике повезло, что отец решил выдать ее за друга детства... Тем более она явно любит его, в этом нет сомнений. Отец Джонни – Оливер О-Коннел, был также известным мафиози Нью-Йорка, заправляющим в районах Нижнего Ист-Сайда и имеющим большие связи только благодаря дружбе с Эйденем Мартинесом, с которым они общались уже более тридцати лет. Для Оливера войти в семью Эйдена – это открыть самый большой подарок на день рождения или выиграть в лотерею счастливый билет. Его люди смогут беспрепятственно работать на территории Мартинеса (а это практически весь город, за исключением района Южного порта и еще парочки, не столь стратегически важных) и получать часть прибыли от его сделок. Но и Эйдену это было на руку, поскольку он подминал под себя один из оставшихся двух, неподконтрольных ему, районов и мог считаться почти королем Нью-Йорка. Почти...

– Как поживает мистер О-Коннел? – спросила Лив.

Джонни хмыкнул.

– Разводит бультерьеров и отстраивает вторую усадьбу... видимо для молодоженов. – съехидничал он. – Он держит сеть самых роскошных ресторанов в Нью-Йорке и несколько оружейных магазинов, в которых ведется подпольная торговля наркотиками.

– А что делает папочка? – съязвила Лив, глянув на Джесси (видимо замечтавшуюся о вилле для молодоженов). Сестра очнулась и пожала плечами.

– Он... делает все. Рестораны, ночные клубы, казино, отели, магазины, сутенерство, торговля наркотиками, рэкет, похищения... Политика... Полиция...

Лив замахала руками.

– Все, все! Я поняла. И отец, и жнец, и на дуде игрец...

Джонни захохотал, заражая своим невероятным обаянием и игривым весельем, и даже Джесс хихикнула, хотя она знала отца слишком хорошо и понимала, что если бы он знал, что над ним смеются...

– Приехали, леди и мистер О-Коннел. – прошуршал Бобби, и оба охранника кинулись открывать перед дорогими персонами двери.

Лив бросила на слишком услужливого Бобби испепеляющий взгляд и вышла на улицу, очутившись перед... роскошным отелем под названием «Пантеон». Шикарные стеклянные двери, шикарная красная дорожка, шикарные портье...

– Это что еще за прототип «Плазы»? – с усмешкой спросила Лив. – Я думала, мы поедем домой.

– Э-э-э... Мы поедем. Но чуть позже. – сказала Джесси. – Это отель отца, и здесь ты... то есть мы, мы будем в безопасности. Отель кишит охраной и закрыт для обычных посетителей.

Лив вдруг ощутила такую невероятную усталость и дикое желание спать, что расспрашивать и спорить ей совсем не хотелось. Она пожала плечами и первой двинулась внутрь.

Через десять минут более чем радушного приема («Носятся, как собачки», – зло проговорила Лив, глянув на услужливых людей Эйдена) Лив уже входила в номер Люкс на третьем этаже, смежный с номером Люкс для Джессики и Джонни, и, бросив чемодан у двери, как зомби прошла сразу в спальню, не имея сил даже осматривать шикарные апартаменты.

Увидев огромную (четырёхспальную?) кровать, Лив, не раздеваясь, упала лицом в подушку и стала медленно погружаться в сон...

– Оливка! Ты совсем охренела? – услышала она возмущенный голос Джонни в дверях. – Кто же спит на пустой желудок?

– Исчезни, вихрь. – буркнула она, но Джонни не послушался и, стремительно подлетев к ней, аккуратно сел на краешек ее кровати и вытащил карандаш из ее волос, совершенно напрочь там забытый.

– Тогда может почитать тебе сказку на ночь, малышка Лив? – огненно проговорил он, и Лив буквально физически ощутила его страстный мужской взгляд на своей пятой точке. Ее сердце сжалось, а кровь закипела... Слава Богу, пышная копна волос закрывала ей лицо, а то он мог увидеть, как краска залила ее щеки!

– Проваливай, Джонни, или я голыми руками вытащу твои мозги из черепной коробки и вышвырну в окошко! – уже более грозно проговорила она в подушку.

– Ладно, ладно, ухожу! – рассмеялся он. В соседней комнате послышался голос Джесси, звавшей его. Напоследок он обернулся и Лив все-таки услышала этот горячий шепот:

– М-м-м, какие сладкие ножки!

– Джонни!!! – крикнула она, но тут подросла ее сестра:

– Вот ты где, придурок? Идем, дай ей отдохнуть! – и она вытащила сопротивляющегося Джонни из комнаты.

Глава 4

– Лив... Лив, просыпайся... Лив! – последний раз имя прозвучало уж слишком громко, и Оливия с трудом разлепила глаза и застонала. Она лежала на спине, раскинув конечности в разные стороны, и, когда сознание вернулось, она вдруг резко села.

Она была в номере Люкс... Шикарном и потрясающем... Темно-красные стены с переплетающимися розами, золотой декор дверей и разной фурнитуры, темно-красное постельное белье с теми же желтыми вкраплениями, огромное окно во всю стену, зеркало, шкафчики, благоухающий аромат цветущих деревьев из открытого окна... Лив будто попала в сказку... Которая, впрочем, омрачилась тем, что она сидела на застеленной постели в измятой уличной одежде, а на ее голове творилось черт знает что.

Вздохматив свои белокурые волосы и сделав себя копией чучела из мультфильма, Лив потянулась и посмотрела на Джесси, стоявшую посреди ее комнаты в элегантном, светло-бежевом костюме, состоящим из аккуратного пиджака и юбки до колена, а на ее длинных стройных ножках красовались черные замшевые туфли на шпильке. Джесси разбирала вещи Лив, раскрыв ее чемодан и копошась в нем.

– Наконец-то ты проснулась! Ты в курсе, что спишь уже четырнадцать часов? Джонни решил, что ты умерла. – хохотнула Джесс, и в ее глазах снова мелькнуло влюбленно-ласковое выражение при упоминании о нем.

Лив зевнула и встала, подойдя к окну и раздвигая плотные золотистые портьеры. Солнце ворвалось в комнату, и девушка зажмурилась.

– Который час? И... что ты делаешь? – удивленно спросила она сестру, которая развешивала ее вещи в шкаф.

Джесси улыбнулась.

– Два часа дня, сестричка. Чтобы тебе было проще, скажу: ты прилетела вчера, а сегодня в восемь папа ждет тебя у себя... Он, между прочим, все время звонил и узнавал, как ты!

Джессика задумчиво повертела в руках симпатичную розовую сорочку и посмотрела на Лив. Лив безразлично пожала плечами и проговорила:

– Я встречу с этим старым маразматиком, чтобы напомнить, что у него есть младшая дочь, послушаю его трескотню и выскажу все, что я хотела с ним сделать за эти шестнадцать лет, и кое-что я даже могу воплотить в жизнь, потому что...

Джесси замахала руками.

– Все, все, я поняла, Лив, ты его ненавидишь! – она рассмеялась и перевела взгляд на чемодан. – Это весь твой гардероб? Хм.

Оливия спокойно обвела взглядом свои вещи и подняла брови.

– А что с ним не так?

Джессика задумчиво посмотрела на сестру.

– Не хватает вечернего наряда. Ты же понимаешь, у отца всегда очень важные гости, так что...

– Плевала я на них с высокой колокольни! – раздраженно сказала Лив. – Как хочу, так и одеваюсь!

Джесси хотела что-то возразить, как ее наглым образом прервал стремительно ворвавшийся в спальню Джонни с коробками в руках. На нем была белая рубашка, расстегнутая на верхние пуговицы и с закатанными до локтей рукавами, черные потрясающие брюки и туфли. Он выглядел великолепно, и был невероятно красив... Лив не удержалась и еще раз взглянула на его идеальное мускулистое тело, темные волосы и милые ямочки на щеках. Глаза Джонни горели зеленым огнем игривого обаяния, мужества, силы, страсти и безудержного веселья. В комнате разом стало тесно, Лив ощутила, как его горячая энергетика охватывает ее со всех сторон, а сексуальный красавчик с замашками заправского бабника подлетел к Джесс и нежно поцеловал ее в щечку, по дороге громко вещая:

– Подъем, подъем, подъем! Оливка, выглядишь так, будто каталась в жару на американских горках! Прическа – отпад!

Лив схватила подушку и гневно запустила ею в смеющегося Джонни, вдруг осознав, что не может на него по-настоящему злиться.

– Джонни, катись туда, откуда пришел! – недовольно воскликнула Лив, а Джессика шутиливо пригрозила жениху.

– Джонни! Что ты здесь забыл? У тебя же сделка с поставщиками, помнишь?

Джонни махнул на нее рукой и кинул на кровать две объемные коробки:

– Уже все сделано, Джесс! Они поддались на мое природное обаяние и...

– Ты еще не ходил... – тут же раскусила его Джесси, начиная злиться. – Джонни, отец убьет тебя, если узнает...

Джонни махнул рукой и, подбежав к Лив, вдруг схватил ее поперек туловища и, закинув на плечо, донес до кровати и усадил рядом с коробками. Стоит отметить, что Лив при этом кричала ему всевозможные изысканные обзывательства и била кулачками по спине.

– Джонни, павлин ты щипаный, еще раз меня схватишь, я сломаю тебя пополам, затем еще пополам и еще, и еще, пока ты не начнешь помещаться в этой коробке!.. – кричала Лив, пока Джонни с хохотом усаживал ее на кровать, и тут она переключилась на коробки и мгновенно остыла. – А, кстати, что здесь?

Джонни обаятельно улыбнулся и открыл обе коробки: в одной была гигантская, ароматная пицца, а в другой – шоколадный пудинг! Лив вытаращила глаза и совсем по-детски улыбнулась, глядя на еду.

– Я подумал, что за пару дней ты могла проголодаться, малышка Лив, и решил накормить тебя, поскольку когда человек сыт, он не хочет никого убить! – весело произнес он и подмигнул. – А ты совсем маленькая и такая легкая, боюсь, тебя в форточку сквозняком снесет, так что кушай, детка, поправляйся, а для повышения уровня доброты в твоей соблазнительной груди, – Джессика и Лив одинаково (ну, не совсем одинаково) возмущенно посмотрели на него, – я приготовил для тебя дождь из клубничных леденцов!

И Джонни стал вытаскивать из карманов такие любимые Оливией конфеты и подбрасывать их в воздух над Лив, осыпав ее всю желто-красными леденцами. Лив захохотала и, тут же набив конфетами рот, с трудом проговорила, глядя на сияющего огнем и обаянием Джонни:

– О, это так мило, Джонни! А теперь выметайся, мне нужно принять душ.

– Так я могу составить тебе...

– Джонни! – и Лив запустила в него конфеткой. Тот уверенно поймал ее и, сунув в рот, глянул на часы «Роликс» на руке, присвистнув:

– О, уже два! Я же должен быть на Манхеттене, надеюсь, они не пристрелят меня за опоздание!

– А я говорила! – начала было Джесси, но Джонни уже летел на крыльях ночи к выходу, на ходу поцеловав девушку в лоб:

– До вечера, Джесс! Ты сегодня такая красивая... – и он исчез за дверью.

Джессика по привычке закатила глаза, но бросила на дверь мечтательный взгляд, задумавшись. Лив с набитым ртом проговорила, подняв брови и глядя на сестру:

– А ты его любишь, Джесси. Хотя он и редкостный идиот и псих.

Джесс очнулась от своих мыслей и улыбнулась ей:

– Да... Я до ужаса люблю его... Иногда мне хочется его убить, потому что он заигрывает с другими девушками... Ну ладно. Оливия, в восемь тебя будет ждать отец. Оденься прилично! Если, конечно, не хочешь выслушивать проповеди полчаса. Я уезжаю в казино «Золотой фазан», там сегодня розыгрыш пресловутого «Порше Кайена», а раз я хозяйка, то и приз вручать мне. – Джессика вздохнула и откинула волосы за спину. – Не волнуйся, я постараюсь забрать тебя после встречи, и мы пойдем ужинать в одно неплохое местечко.

Лив пожала плечами и, все еще активно жуя, пробормотала:

– Не беспокойся, сестра, можешь назвать адрес, и я доберусь сама. Встретимся на месте.

– Нет! – жестко воскликнула Джесси, так что Лив удивленно на нее посмотрела. – Ты... это может быть... В общем, я приеду за тобой и точка. Только попробуй смыться! – она посмотрела на часы и резко нахмурилась. – Черт! Опаздываю. Увидимся вечером и не зли отца! Это добром не кончится. Аriveдечки!

Лив осталась одна. Она чувствовала внутреннее напряжение из-за встречи с отцом главным образом из-за того, что боялась слететь с катушек и наделать бед... Но и сохранять спокойствие в ее планы не входило.

Она решила оставить раздумья об отце и вспомнила лица Джесси и Джонни. Лив улыбнулась. Сестра оказалась такой, какой она ее и представляла: спокойная, теплая, добрая, живая и заботливая, красивая и милая... Лив была рада, что вновь обрела ее. Теперь у нее есть семья и можно не бояться одиночества. Жаль, что они не встретились раньше! А Джонни... Лив вспомнила его игривые зеленые глаза, обаятельную улыбку и нереально стремительную муж-

скую энергию и улыбнулась, слегка покраснев. Он заботится о ней, делает комплименты и... Лив не могла отрицать, что он чертовски красив и сексуален! Но она быстро остановила развитие каких-то новых ощущений внутри себя и вспомнила, что он женится на Джесс. И он ее друг детства!

Успокоившись, девушка с удовольствием предвкушая свое представление, стала собираться в гости к отцу.

Лив приняла душ, высушила свои длинные и густые светлые волосы, сделала красивый макияж (она научилась этому у Мэри, которая посещала курсы визажистов), подчеркнув свои большие бирюзовые глаза, алые губки и нежный румянец и, отбрасывая с лица волнистую прядку, задумалась над гардеробом.

– Нет, папуля... Ты увидишь меня такой, какая я есть, во всей красе! – язвительно и злорадно прошипела Лив и стала одеваться.

Ровно в половину восьмого Лив вышла из номера отеля. На ее маленькой, но невероятно красивой и стройной фигуре красовалась темно-синяя обтягивающая майка на широких лямках, подчеркнувшая упругую, аккуратную грудь, поверх была одета легкая полупрозрачная голубая туника с рукавом «летучая мышь» в три четверти, широким вырезом на шее, в котором то и дело оказывалось то одно, то другое плечо, и обтягивающая широкой эластичной тканью попу и верхнюю часть бедра. На стройных ножках Лив красовались черные, обтягивающие капри длиной ниже колена и синие туфли с открытым носом на высоченной шпильке, которая немного, но приближала девушку к росту нормальных людей.

Выход из отеля ей преградили двое уже знакомых нам охранников, один из которых, Бобби, снова не удержался и плотоядно оглядел Лив с ног до головы, а второй попытался глупо улыбнуться.

Увидев перед собой Бобби, Лив поморщилась и, встряхнув копной пышных, выющихся локонов, бесцеремонно, слегка толкнула его в грудь, пытаясь пройти к выходу:

– Эй, верзила Бобби! Ты мне свет загораживаешь! Дай пройти. – жестко и повелительно потребовала она, глядя на возвышающуюся над ней фигуру в черном костюме.

– Э-э, мисс Мартинес... Я... Мы должны... Босс... – вдруг жутко смутившись, невнятно забормотал Бобби, а его напарник обреченно вздохнул и приятным, бархатистым тембром заявил:

– Мисс Мартинес, у нас приказ от вашего отца – доставить вас к нему лично. Прошу вас пройти в машину.

Лив подняла брови (в глубине души она сходила с ума, с ней никогда не обращались, как с какой-то королевой, и она не могла прийти в себя от этого), но внешне продемонстрировав скептицизм и недоверие, проговорила:

– О, красавчик! А я и не знала, что ты умеешь говорить! Потрясная новость! Жаль, что я не в курсе, где прячется мой папаша тире король мира, а то я бы продемонстрировала прекрасную способность ориентироваться в пространстве. А так – придется ехать с вами. Только скажи по секрету – твой дружок, – Лив заговорщически приложила ладонь ко рту и прошептала так, чтобы Бобби ее слышал, – он что, слабоумный? Жаль, а ведь он мне почти понравился... – с сарказмом протянула она и двинулась к выходу, триумфально улыбаясь. Она слышала, как Бобби тихо шепнул:

– Змея. Ее скоро кто-нибудь пристрелит.

И как напарник ответил:

– Да ты втюрился в нее, тупица! Смотри, чтобы Эйден не прознал...

– Что ты несешь, Ларри... – начал активно спорить шепотом Бобби, но Лив резко остановилась и повернулась, глядя на чуть отставших охранников:

– Эй, слабоумный и милашка Ларри! – оба охранника вздрогнули и потупились. Поняли, что она их слышала. Опять. – Ну так что? Едем к папочке или нет?

Оба наперебой бросились открывать ей дверцу «Кадилака». Всю дорогу до трехэтажного ночного клуба (и по совместительству публичного дома) под названием «Иль чьело стелато» («Звездное небо» – с итал.) Оливия ехала в раздраженном и угрюмом молчании. Ее злило буквально все: необходимость видаться с отцом и ворошить прошлое, которое она так хотела переступить и жить дальше; пристающая охрана; дорогой автомобиль и шикарные апартаменты, без которых девушка умела прекрасно жить и не нуждаться в этом тупом пафосе... Решив для себя окончательно разорвать какие-либо связи с отцом после этой встречи и начать собственную жизнь, Лив немного успокоила растущий внутри гнев.

Ночной клуб мерцал и переливался украшенной светящимися звездами вывеской. Громкая музыка, множество автомобилей, строгий фейс-контроль и длинная очередь желающих попасть внутрь. Клуб считался элитным и дорогим, и только VIP-гости знали, что в комнатках на втором этаже можно было получить приват-танец с продолжением от танцовщиц заведения.

Бобби и Ларри встали по обе стороны от Лив и, озираясь по сторонам и держа руки на пистолетах под пиджаками, повели ее за угол, в неприметную черную дверь. Дверь, как оказалось, вела на кухню, где сустились и готовили повара в белых халатах и фартуках, а затем уши Лив чуть не завернулись от оглушительной танцевальной музыки. В зале яблоку было негде упасть, и Лив заметила, что и столики с уютными диванчиками, и танцпол, и бар были переполнены, темнота подсвечивалась разноцветными лучами, и в зале было накурено. Охранники провели Лив вдоль стены, стараясь прикрывать телами, и они снова вошли в незаметную серую дверь, за которой была лестница вниз.

Внизу была еще дверь, около которой дежурили двое похожих здоровяков, и Лив закатила глаза. Без разговоров они посторонились, с любопытством разглядывая девушку, и вот теперь Лив наконец-то попала в Святая Святых: убежище неуловимого мафиози Эйдена Мартинеса.

Помещение было просторным и удобно обставленным: посередине стоял ярко освещенный стол, заваленный бумагами, оружием и какими-то пакетиками с белым порошком, вдоль стен располагались черные, мягкие кожаные диваны, видимо, для посетителей, стеллажи с книгами и оружием и еще несколько дверей, одна из которых отворилась, и сердце Лив вздрогнуло: в комнату вошел ее отец в сопровождении худого высокого мужчины лет сорока, в черном пиджаке, клетчатой рубашке в синюю полоску и черных брюках и туфлях.

– Оливия. – громыхнул отец жестким, металлическим голосом, и девушка на секунду замерла, чувствуя, как воспоминания накатывают на нее разрушительной волной, заставляя дрогнуть ее пальцы... Она постаралась взять себя в руки и смело, с вызовом, посмотрела на папу.

Он изменился за эти шестнадцать лет. Черные волосы тронула седина, лицо покрывали хмурые морщинки, которые появляются только у слишком занятых серьезной работой людей, постарели его руки, но в остальном... Та же высокая и плотная подтянутая фигура, облаченная в дорожный черный костюм, белую рубашку и темно-бордовый галстук, те же зеленые глаза, сияющие сталью и мощью, уверенностью и превосходством, силой и решимостью, тот же нос, чуть впалые, хорошо выбритые щеки и тонкие губы... От него исходил запах холода и влияния, но, увидев дочь, он подошел к ней и остановился напротив, внимательно ее разглядывая. Лив выдержала его взгляд с достоинством и триумфом и гневно улыбнулась, потихоньку отпуская тормоза:

– Привет, отец. Как поживаешь? А, впрочем, я и сама вижу: миленький публичный дом! Наверное один из лучших в городе? – Лив прошла и нагло уселась в его мягкое кожаное кресло за столом, заметив, что мужчина, вошедший с отцом, расширенными от ужаса глазами наблюдал за ней, как и оба охранника, Бобби и Ларри, послушно замершие у дверей. – А ты изменился. Определение «старый козел» теперь подходит тебе больше, чем раньше. И что твоему козлиному величеству от меня понадобилось через шестнадцать лет забвения?

Лицо отца окаменело, в его глазах заплясали бешеные круги (и Лив вдруг поняла, как она выглядит, когда слетает с катушек, видимо, получила эту черту по наследству), и он поджал губы. Затем вдруг нахмурился, ухмыльнулся и, присев на край стола, с горечью и болью, которых Лив никак не ожидала услышать, проговорил:

– Для начала, позволь мне обнять тебя, дочь... Я...

Лив чуть-чуть откатилась от него на колесиках, приделанных к ножкам стула, увеличив между ними расстояние, и гневно и жестко проговорила:

– Потихе, папуля. Обнимать себя я не позволяю никому, даже своей бывшей соседке по комнате Нике, а с ней я прожила долгие шестнадцать лет и она мне стала гораздо ближе чем ты. Перейдем к делу.

Отец вздохнул и сложил руки на груди, жестко, но с оттенком вины и боли блеснув глазами.

– Ладно. Я понимаю, что ты злишься на меня и не можешь простить то, что с тобой произошло. Я не жду, что ты сразу поверишь мне, но я должен рассказать тебе правду... Или ее часть. Это поможет нам в дальнейшем избежать недоразумений...

– В дальнейшем?!? – перебила его Лив, возмущенно и раздраженно уставившись на него. – Отец, ты что, выпил мышьяк и закусил цианистым калием? Это наша первая и последняя встреча, после которой я начну устраивать свою жизнь без неожиданно обретенных родственников!

Эйден резко встал и ударил кулаком по столу. Лив увидела дикую злость в его глазах, ощущала сталь и мощь, исходившие от его крепкой фигуры, но... не боялась. Она никогда никому не позволит себя обидеть.

– Оливия! – громыхнул он. – Ты можешь ненавидеть меня, не верить мне и обзывать... хотя с последним я попробую побороться, но ты член семьи! Ты дочь крестного отца и по законам семьи обязана делать то, что я скажу! Это не подлежит обсуждению! Ты и сама это знаешь, это не я придумал!

Оливия прищурилась, злясь все больше и больше.

– К чему эти твои пафосные речи? Рассказывай и я пойду ужинать.

Эйден посмотрел на тощего, высокого мужчину и жестко, приказным тоном, проговорил:

– Брайан, стул. – он повернулся к Бобби и Ларри и резко приказал:

– Пошли вон. Я позову.

Охранники испуганно испарились, а Брайан поставил перед Эйденем удобный на вид, дорогой кожаный стул, принесенный из соседней комнаты, и, чуть отойдя назад, спокойно произнес:

– Вот, мистер Мартинес. Организовать ужин? Выпивку?

– Нет, не нужно, Брайан. Она слишком упертая, чтобы остаться на ужин. – недовольно проговорил Эйден и внимательно посмотрел на Лив сильным, пронизательным взглядом. Лив слегка подняла брови и кивнула. Эйден продолжил:

– Я думаю, ты хочешь узнать, почему мне пришлось отправить тебя, а твою сестру оставить рядом с собой... Это непростая история, Лив, и очень, очень нелегкое решение, самое сложное из тех, что я принимал в жизни...

– Подожди-ка. – остановила его Лив и посмотрела на Брайана. – А этот попугай так и будет здесь стоять? Может сбегать ему за поп корном?

Отец раздраженно закатил глаза и, теряя терпение, проговорил:

– Это мой консильери, Брайан Клаусон, и он останется, это не обсуждается! Позволишь продолжить?

– Валяй.

– Мне *пришлось* отправить тебя на Сицилию, Лив... – заговорил он с большой долей боли и горечи в голосе, опустив глаза и вспоминая события тех давних лет... – Когда вы с

Джессикой были маленькие, у меня был один заклятый враг, его звали Рико Карелли по прозвищу «Аркан». Он был боссом чикагской мафии и вечно лез на мою территорию... но у него была причина. – Эйден вздохнул. – Ты прекрасно знаешь, что у каждого Дона должен быть наследник... потомок-мальчик, который возьмет в свои руки весь бизнес после смерти отца. Мне нужен был сын... А твоя мама... В силу своих особенностей, она могла рожать только девочек...

Эйден замолчал, угрюмо глядя перед собой сияющими зелеными глазами. Лив чувствовала, как к горлу подкатывает тошнота... Злость сменялась шоком и невероятным стрессом, который захватывал мандражом ее конечности, и она нервно затрясла коленом, стуча каблук по полу.

– Что дальше? – срывающимся голосом спросила она.

– Дальше... – Эйден на мгновение завис, глядя в одну точку и как-то еще больше постарев. – Дальше моя жена договорилась со своей лучшей подругой, Алисой Фелбс, чтобы та родила от меня сына и отдала его в нашу семью... Это был огромный секрет, никто не должен был знать об этом. Алиса забеременела. Ультразвуковое исследование все время показывало мальчика, и мы ждали его с нетерпением... Но родилась девочка. Ты.

Отец выдохнул и, подойдя к бару, достал себе бутылку виски и, плеснув в бокал щедрую порцию, залпом выпил. Лив чувствовала, как у нее кружится голова... Она не могла поверить в то, о чем он говорит... Хотели мальчика? Договорилась с подругой? Отец намеренно изменил матери с ее лучшей подругой? Как такое вообще возможно? Они с мамой так похожи...

Лив чувствовала, как бессилие и гнев заполняют все внутри нее, ей хотелось разнести всю комнату в щепки, хотелось кричать, придушить кого-нибудь, если уж на то пошло... Она не хотела верить в это, но видела, что отец не врет, видела по его глазам... Преодолевая дрожь и отчаянно сдерживая котел гнева внутри себя, Лив прошипела сквозь зубы:

– Это что, шутка такая? Ты хочешь сказать, что мама – мне не мама? Ты вообще нормальный?!?

Эйден снова вздохнул и сел напротив дочери.

– Лив. Твоя мама всегда будет твоей мамой. Несмотря на то, что она тебя не рожала. Она всегда любила тебя, как родную, и не вспоминала о том, что ты не ее... В общем, через пару месяцев после того, как ты родилась, Алиса вышла замуж за Рико Карелли.

Лив кивнула. Она уже догадывалась о том, что он скажет дальше.

– Мы хранили секрет долгие шесть лет, но кое-кто из моего окружения узнал и проболтался Рико. Рико был в ярости. Он знал, что все это произошло по договоренности твоей мамы и Алисы, и решил отомстить. В ночь, когда я водил Джессику в цирк на вечернее представление, он пришел к нам домой с одной целью – убить ее и тебя. Она заперла тебя в шкафу, но ты выбежала в гостиную в тот момент, когда он выстрелил ей в голову... – отец сильно сник, и его голос сорвался. – Он наставил на тебя пистолет, но в этот момент подъехала моя машина, и он увидел, как мы с Джесс идем к дому... Дальше я погнался за ним, но он сумел уйти от меня и моих людей. Я подключил все свое влияние, чтобы найти этого подонка и убить самым мучительным способом за то, что он посмел посягнуть на мою семью.

– А тот, кто сдал секрет? – шепотом спросила Лив.

– О, с ним тоже по-особому разобрались. – мстительно произнес отец. – Как и со всей его семьей.

Лив выдохнула и встала. Ее трясло от гнева, непонимания и какого-то зачарованного страдания. Сердце как будто пронзили тысячи кинжалов, она хотела сделать что-нибудь, что угодно, лишь бы выплеснуть пар... Она ненавидела весь свет за правду, за ложь, за то, что ей пришлось пережить...

Отец посмотрел на нее.

– Теперь ты понимаешь, почему я отослал тебя? Пока Рико был жив, ты находилась в серьезной опасности! Нужно было спрятать тебя, чтобы он не нашел...

– На шестнадцать лет? – злобно спросила Лив.

– Ты и сейчас в опасности, дурочка! Его семья пытается мстить до сих пор, и они не успокоятся, пока не совершат свою вендетту! Поэтому я воюю с ними, чтобы уничтожить последнего Карелли и снять угрозу! Лив, я бы никогда не бросил тебя...

Лив махнула рукой и проговорила:

– Я верю тебе, отец. Но это не отменяет моей ненависти к тебе. Я не виновата, что родилась девочкой, но поверь, я покруче любого парня могу отметелить того, кто мне угрожает. Так что, милый папуля, мне не нужна твоя протекция и твои черти из табакерки. – она махнула рукой на дверь, за которой топтались Бобби и Ларри. – Теперь я могу идти? Мне нужно разбить какой-нибудь симпатичный комплект посуды.

Она отправилась к двери, и Брайан угрюмо проговорил:

– Я вас предупреждал, босс. У нее было восемь психотерапевтов...

– Я знаю, Брайан, но мы это исправим. – угрюмо проговорил отец, догоняя Лив и преграждая ей путь.

– Отвали от двери, сморчок. – грубо и жестко, но спокойно сказала Лив.

– Не хами мне, дочь! Что за манеры?! Мы еще не закончили. – не менее жестко проговорил он, излучая силу и влияние.

Лив раздраженно закатила глаза и сложила руки на груди. Внутри нее все пульсировало огнем, а голова разрывалась.

– Ах да. Ты еще не озвучил, что же тебе все-таки от меня нужно. – она вернулась и села на один из диванов.

Отец закурил и уверенно опустился рядом в жесткой, развязной позе.

– Оливия. Ты – моя дочь. Так как у меня нет наследника, я должен передать свой бизнес Джессике и тебе.

– Что??? – захохотала Лив. – Да мне даром не нужен твой идиотский бизнес! Угрожать людям, открывать публичные дома, казнить ублюдков и подчинять себе город вместе с его верлушкой??? Что может быть debilнее этого? Ни за что на свете.

– Лив...

– Никогда. Лучше змею проглотить. Или дай ей проглотить себя.

– Оливия!

– Нет, нет и еще раз...

– Босс, вы уверены, что нужно это делать? – спокойно спросил Брайан, слушая перепалку отца с дочерью. – У вас есть Джессика, она легко потянет на себе все дела, а эта девочка еще слишком мала и у нее вряд ли хватит сил и знаний...

Лив гневно посмотрела на Брайана.

– Послушай ты, вермишель высохшая, замолкни, если не хочешь, чтобы ножка вон того стула торчала в твоём животе, понял?

Отец снова нахмурился и грозно проговорил:

– Лив, хватит! Мой советник имеет право высказывать свое мнение! Прекрати свои угрозы и обзывательства, дочь! Прекрати немедленно!

Лив ухмыльнулась и пожала плечами.

– Я подумаю, папаша. Подумаю, должна ли слушаться тебя или нет... Хм... – она язвительно изобразила задумчивое лицо, а Эйден стал терять терпение.

– В любом случае, Оливия, ты не имеешь права меня послушаться. А значит, возьмешь себе часть бизнеса и будешь делать то, что я тебе говорю.

Лив хотела было резко возразить, как в этот момент дверь открылась, и в комнату мягко и грациозно вошла Джессика. Улыбнувшись, она подошла к отцу и чмокнула его в щеку:

– Привет, пап! Привет, Оливка! Привет, Брайан, отличный костюм! – сказала она ему, мило подмигнув. Брайан улыбнулся и кивнул в знак благодарности. – Ну как продвигается беседа? Ты рассказал ей? – взволнованно спросила она, посмотрев на Лив, которая угрюмо смотрела в пол, сложив руки на груди и закинув ногу на ногу.

Отец вздохнул.

– Как видишь. Она злится.

– Я не злюсь. – прошипела Лив. – Я в зверском бешенстве!

Джессика грустно поджала губки.

– Я помогу тебе пережить это, Лив, обещаю.

– Как прошел розыгрыш в казино? – жестко спросил отец.

Джессика вмиг посерьезнела.

– Нормально. Выиграл Билли Глоус, как и планировали. Теперь его очередь обеспечить нам доступ к информации министерства финансов. И кстати, я говорила с торговцами антиквариатом... Похоже, что у них не настоящие вещи, а подделки низкого качества... Терри уже внес предоплату, но, конечно, возвращать они ничего не собираются...

Эйден нахмурился и посмотрел на Брайана.

– Брайан, займись. Пошли людей к ним домой и пусть возвращают деньги. Если нет... сам знаешь, жестокая расправа не повредит моей репутации.

Лив поморщилась, услышав, как бездушно и холодно отец говорит об убийстве людей, как легко, но жестко и повелительно, дает указание уничтожить их... И Джессика выглядит так спокойно...

Брайан кивнул.

– Сейчас сделаю, мистер Мартинес. – и он исчез за дверью.

Джессика посмотрела на Лив и улыбнулась.

– Ну что, идем, сестричка? Я обещала тебе ужин.

Лив с нетерпением подскочила.

– Наконец-то! Идем скорее! Прощай, папуля, рада была повидать тебя в последний раз и, наконец, узнать правдивую историю своего плена! Ариведер...

– Лив, завтра вечером будет важная сходка. Придут очень влиятельные мафиози, с которыми я веду сотрудничество. – он встал и выдохнул дым сигареты. – Ты и Джессика должны быть без разговоров.

Лив выдохнула.

– Отец, не прикидывайся тупым! Я ни за что в жизни не ступлю больше своей ногой в твои «изысканные апартаменты», даже если мне отрубят голову и принесут...

– Лив! – громыхнул отец. – Я предупреждаю, ты обязана быть! Так я приказал! А если ослушаешься – мои люди притащат тебя и в цепях и тебе это вряд ли понравится! Так что прекрати спорить! Джессика, завтра в семь. Жду вас на полчаса раньше, переговорить. – обратился он уже к старшей дочери, и та весело кивнула:

– Хорошо, без проблем, пап.

– Тогда до завтра. – махнул рукой отец. – И оденьтесь прилично, Лив, это тебя касается! – крикнул он им вслед.

– Я тебя не слышу, отец! Прием-прием! – зло воскликнула Лив, не оборачиваясь.

На улице их ждал неизменный «Кадиллак» и Бобби с Ларри за рулем. Когда машина отъехала, Лив, чувствуя внутри, что сейчас лопнет от разрывающих ее ядерных эмоций, спросила:

– Куда едем?

Джессика мягко и немного игриво улыбнулась:

– В бар «Аквамарин». Это недалеко от нашего отеля... Отличное местечко!

– Никогда не была в баре, но что такое «выпивка» я в курсе. – зло, с усмешкой в голосе проговорила Лив, глядя в окно.

– Ты злишься? – по-детски осторожно спросила Джесс.

– Еще как.

– Я думаю, мы сможем поднять тебе настроение. – таинственно улыбнулась Джессика.

Лив хмуро посмотрела на нее.

– Кто это: «мы»?

Но сестра хитро промолчала.

Бар «Аквармарин» действительно был в двух кварталах от отеля «Пантеон» (Что за названия? У отца совсем нет фантазии...) и сиял лазурно-голубой вывеской в одном из четырех-этажных серых строений недалеко от Бруклинского моста.

Судя по шуму, слышному даже с улицы, и потрясающей рок-музыке, внутри было многолюдно и совсем не скучно. Пробравшись среди бесконечного моря машин на единственное свободное место прямо у входа (как пояснила Джесс, это их личное вип-место, и тот, кто посмеет его занять, скорее всего будет сброшен с крыши) и Лив с Джесси направились внутрь, равно как и Бобби с Ларри.

– А эти двое носорогов везде будут за нами ходить? – недовольно спросила Лив, даже не потрудившись понизить голос, чтобы мужчины ее не слышали.

Джессика улыбнулась.

– О, да! Они – твоя личная охрана. Если потеряют тебя из виду – отец их четвертует.

– Отлично. – язвительно проговорила Лив.

Они вошли внутрь бара. Помещение было узким и вытянутым, вдоль одной стены располагались столики с мягкими, удобными диванчиками, которые сейчас были все заняты, в конце зала стояли автоматы с музыкой, небольшая сцена и группка рок-музыкантов, играющих вживую и поющих, с точки зрения Лив, очень классно, а с правой стороны тянулась барная стойка.

Ларри и Бобби отстали, сразу заняв один невзрачный, но свободный столик, а Джесс просияла и, расталкивая народ, потащила Лив прямо к барной стойке.

– Оливка! Шикарно выглядишь! Ты в таком прикиде гоняла на встречу к отцу? Представляю его лицо! – услышала Лив знакомый веселый, наполненный жизненным огнем, голос и, присаживаясь на высокий стул за стойку, увидела и стремительно подлетевшего к ним его обладателя Джонни в потрясающей, обтягивающей его великолепное мускулистое тело, аквармариновой футболке, джинсах (только уже не рваных, но очень модных) и синих «найковских» кедах. На нем был фирменный фартук заведения, черный, повязанный на поясе, а в руках он держал бокал, протирая его тряпкой. Лив ощутила, как ее напряжение немного уходит, чувствуя его мужскую уверенную, но легкую и стремительную, как порыв ветра, энергетику, обволакивающую ее со всех сторон, создавая обаятельный и горячий круг вокруг нее, и слегка ухмыльнулась. Джонни подлетел к девушкам, горячо и нежно поцеловав Джессику в губы, отчего Лив почему-то стеснительно отвела глаза (хотя на самом-то деле понятно, почему) и перевел сияющий игривый взгляд ярко-зеленых веселых глаз на Лив, буквально пронзив ее насквозь своей откровенностью и страстью. Он, не стесняясь, огненно осмотрел ее с ног до головы, задержав обаятельные и чертовски сексуальные глаза на ее растрепанных длинных волосах, локонами падающих ей на спину и грудь, на груди и, особо, на ножках, получив в результате неодобрительный хлопок со стороны Джессики по руке.

– Джонни? Ты что, бармен? Это заведение твоего отца? – спросила Лив, немного шокировано оглядываясь вокруг.

Джонни горячо рассмеялся.

– Нет, это просто бар. Он находится на нейтральной территории, сюда приходят люди из всех мафиозных кланов... ну и просто люди тоже. А я – лучший бармен в городе! – нагло подмигнув, заявил он, просто сияя своей мужественной развязностью и брутальной красотой.

Джессика хмыкнула.

– Хватит болтать, лучший бармен, моей сестре нужно поесть. Она потеряла много нервных клеток.

Джонни понимающе кивнул и, облокотившись о стойку и сияя тревогой, все равно весело спросил:

– Как прошла встреча? Эйден жив?

Лив испепелила его взглядом и снова ощутила, как в ней все закипает от гнева, при воспоминании об отце и том, что он ей рассказал. Ответила Джессика:

– Жив, и, как ни странно, Оливия тоже, хотя она легко обозвала крестного отца самой могущественной группировки в Нью-Йорке старым козлом, ненормальным и сморчком, его бизнес – идиотским и дебильным, а бедный Брайан удостоился звания попугая и сушеной вермишели.

Джонни дьявольски горячо и притягательно расхохотался и игриво посмотрел на Лив с ноткой гордости во взгляде:

– Вот это моя подруга детства! Узнаю девчонку, которая отменила меня в пять лет за то, что я закопал ее куклу в песочнице! Малышка Лив, я горжусь тобой! Извините... – и Джонни весело умчался готовить заказы толпящихся у стойки посетителей (в основном, девушек).

Лив и Джессика наблюдали, как он флиртует и игриво оглядывает всех женщин у стойки, как галантно обхаживает их и готовит им напитки, как делает комплименты и игриво шепчет что-то им на левое ушко... Джессика при этом старалась скрыть свою ужасную ревность, царапающую ее душу при виде его страстно горящих глаз, смотрящих и оценивающих не ее, а Лив снова задумалась об отце, его словах и об ужине, на который она не собиралась идти завтра...

– А как ты узнала? Ну то, что я наговорила отцу... Ты что, подслушивала под дверь? – как в тумане слыша свой голос, проговорила Лив.

Джессика с горечью ухмыльнулась.

– Нет, конечно! Брайан – мой друг, он тайком слал мне смс-ки, пока вы говорили... Я так хохотала!

Дальше она заказала им по вкуснейшему жареному бифштексу, но Лив было так жарко внутри, что еда никак не хотела проглатываться, хоть и была невероятно вкусной.

Джесси пыталась поднять ей настроение, хотела было поговорить о маме, но Лив только покачала головой – она не могла говорить, звук ее имени как будто застрял внутри огромного пузыря гнева, который она пыталась удержать от бешеного и бесконтрольного взрыва.

Джонни был все время занят, но изредка поглядывал на Лив, о чем-то думая и слегка улыбаясь. Когда, наконец, все поклонницы были удовлетворены и оставили его в покое, он быстро подлетел к девушкам и весело проговорил:

– Кажется, кому-то нужна помощь эксперта по человеческим чувствам?

Джессика с сарказмом хмыкнула.

– Вообще-то она не хочет говорить о том, что сегодня произошло и что она узнала о маме... эксперт.

Джонни, не обратив внимания на сарказм, обаятельно улыбнулся и подмигнул:

– Я знаю, милая. И мы не будем ничего обсуждать. Так-так, малышка Лив, что-то ты совсем плохо кушаешь, думаю, надо тебе помочь... идем!

Он вдруг схватил ее за руку своей сильной ладонью, и Лив сначала смутилась от того, что ни один мужчина к ней никогда не прикасался до этого, но, быстро опомнившись, в тот момент, когда она уже слетела со стула и неслась вдоль стойки, подгоняемая огненным вихрем обаяния Джонни, попыталась сопротивляться с криками:

– Джонни, черт бы тебя побрал, придурок, куда ты меня тащишь? Пусти меня немедленно, или ты – труп!! Живо, Джонни!

Но юноша не обращал внимания на ее верещания, а только втащил ее в проход между стеной и барной стойкой и повел вдоль полок с многочисленным алкоголем к просторной белой двери, за которой находилась... всего лишь кухня.

Среди пара, шума жарки и кипения кастрюль суетились мужчины и женщины в белых униформах поваров, готовя разнообразную еду и закуски. Лив с удивлением уставилась на них, забыв даже о своем сопротивлении Джонни, и позволила ему подвести себя к невысокой, но довольно широкой фигуре в темно-синей униформе, с круглым большим лицом и улыбающимися глазами. Мужчина обернулся и с интересом посмотрел на Лив, оценивая ее восторженным взглядом.

– Какая прекрасная леди! Как небесное облачко, такая светлая и милая... – начал было он, но Лив нахмурилась:

– Милая, говоришь? А если я тебе пальчики откушу... – начала было она закипать, но Джонни быстро прервал ее:

– Эндрю, дружище, она злюка, как ты любишь, но, к сожалению, не для тебя. Я пришел попросить тебя об одном одолжении... Кстати, Оливка, это наш лучший повар Эндрю, он настоящий шеф! Эндрю, это Оливия, моя подруга детства. – представил их друг другу Джонни и триумфально улыбнулся, показывая свои очаровательные ямочки.

Лив прищурилась, испепелив Эндрю сокрушительно злобным взглядом, но тот только ярче засиял, снова уставившись на ее миниатюрную (особенно на его фоне), стройную и нежную фигурку.

– Конечно, Джонни, дружище, я ничего не скажу о ней твоей невесте. – уверенно махнул рукой Эндрю, и Джонни сначала вытаращил глаза, затем нахмурился, глядя на него, в то время, как Лив шокировано и гневно пихнула его в плечо.

– Да я совсем о другом одолжении! – сказал он спокойно и подмигнул. – Моя невеста знает об этой девочке... – и он наклонился к ошалелому повару и стал быстро-быстро что-то объяснять ему на ухо, активно подкрепляя свои слова жестами. Повар сначала хмурился, затем улыбнулся и кивнул, весело проговорив:

– Без проблем, братишка! Все, что ты пожелаешь! А девочка хороша... – тоскливо и немного пошло протянул он, снова окинув взглядом Лив.

Оливия нахмурилась.

– Даже не мечтай, толстозадый!

Эндрю поцеловал кончики пальцев.

– Пока, моя конфеточка!

Джонни захохотал и потянул Лив за руку дальше, пока она не успела ничего ответить.

– Я его убью! – кипела Лив. – И о чем он говорил? О чем он говорил, Джонни??? Ты изменяешь моей сестре??? Джонни, отвечай, или...

Джонни подвел ее за руку к еще одной двери и резко и сильно развернул к себе, сияя мужеством и наглым обаянием. Игриво глядя на Лив, он с нажимом проговорил:

– Стой, стой, остановись. Оливка! Он просто шутил! Никому я не изменяю. Сейчас речь не об этом. – он проникательно заглянул ей в глаза, и Лив утонула в его, сияющем уверенностью, взгляде зеленых глаз, и замерла. – Ты все еще не хочешь есть? – вдруг неожиданно спросил он.

Лив нахмурилась и прислушалась к себе. Внутри нее все ходило ходуном, внутренности жгло, но она даже думать не могла о еде... После того, что она узнала...

– Фу, конечно, нет! – поморщилась она.

Джонни улыбнулся.

– За этой дверью комната, в которой стоит промышленная посудомоечная машина. Зайди туда и разбей столько тарелок, сколько захочешь, идет?

Лив опешила.

– То есть... как? Это же собственность бара...

– Когда тебя это волновало? – воскликнул он. – В общем, зайди туда и сделай это, а потом возвращаясь к Джесс и больше никаких вопросов, малышка Лив! – теряя терпение, проговорил он, резко открыв дверь и втолкнув туда девушку, запер ее за ней.

Лив удивленно обернулась. Перед ней работал посудомоечный конвейер, дышащий паром, по которому кружились многочисленные тарелки, стаканы, бокалы и другая столовая посуда. Лив ощущала, что ей срочно нужно выплеснуть пар из своего котла гнева, иначе она может натворить бед, обидеть сестру или Джонни, или просто впасть в депрессию... Шестнадцать лет одиночества... Лив схватила тарелку и швырнула ее в стену со всей силы. Та с громким звоном разбилась на мелкие осколки. Куча проблем... Неумение нормально общаться... Боязнь сблизиться хоть с кем-нибудь... Вранье отца... Мама не рожала ее... Охота на маму и на нее... И все из-за одержимого желания получить наследника сына... В итоге – множество поломанных судеб, в том числе и ее...

Тарелка, тарелка, тарелка...

Лив бросала и бросала, пока слезы не брызнули из ее глаз. Никто не видел никогда, как она плачет, и она никому не продемонстрирует свою слабость. Никогда. Но сейчас, разбив грудю посуды и проплакав, Лив вытерла размазавшийся по щекам макияж и улыбнулась. Гнев ушел, и она ощутила, что начинает принимать правду и сможет жить дальше. Резко почувствовав голод, Лив удивленно уставилась на дверь. Джонни. Он ведь знал, что именно ей нужно! Но как? Они знакомы всего пару дней... Или всю жизнь... Лив тепло ухмыльнулась, ощутив прилив симпатии и благодарности. К ней еще никто не был таким чутким... Но тут же взяв себя в руки и вспомнив, что не собирается ни к кому привязываться, Лив вышла за дверь.

Джессика сидела за стойкой, попивая какой-то коктейль и болтая ножкой в такт музыке. Джонни обслуживал посетителей, все так же озорно улыбаясь и притягательно подмигивая. Лив плюхнулась на стул рядом с Джессикой и увидела свой стейк. Схватив нож и вилку, она набросилась на него, запихивая в рот огромные куски и с трудом прожевывая. Джессика чуть не захлебнулась выпивкой, ошарашено глядя на нее:

– Лиивив??? Где ты была?? Тебя там что, перезагрузили???

Лив подняла брови и спокойно посмотрела на сестру, проговорив с набитым ртом:

– Я в порядке, Джесс. Ничего не ела с самого утра!

Джесс вытаращила глаза и подозрительно посмотрела на подлетевшего Джонни, который просиял, увидев, как Лив уплетает мясо с гарниром.

– Джонни?!? – потребовала объяснений Джесси.

Джонни только обаятельно подмигнул ей и посмотрел на Лив:

– Вкусно, Оливка?

– Бесподобно! – снова старательно жуя, пробормотала Лив. Джонни весело расхохотался.

– Это еще не все, малышка Лив.

В этот момент дверь кухни отлетела, и в зал вплыл Эндрю, светясь улыбкой и держа в руках тарелку, накрытую специальной крышкой. Он внимательно вгляделся в толпу у бара со словами:

– Так, ну и где тут моя конфеточка? Где мое сахарное облачко?.. – увидев Лив, которая предчувствовала, что он ищет ее, и грозно прожигала его взглядом, он засиял восторженной улыбкой и двинулся к ней. – Вот ты где! – тут он заметил рядом Джессику и его лицо стало серьезным и немного напуганным. – О, мисс Мартинес! Добрый вечер! Понравился стейк? А вы знакомы с этой милой конфеточкой? – промурлыкал он, поклонившись Джессике.

Джонни, наблюдавший за этой картиной, еле сдерживал распирающий его хохот, а Лив угрожающе начала:

– Эй, пончик, я тебе не конфеточка! E se ancora una volta, così mi ha chiamato, ho saldare te nella tua pentola! – («А если еще раз меня так назовешь, я сварю тебя в твоей кастрюле!» – с итал.)

Эндрю ошарашено, но восхищенно, уставился на нее.

– Ох, какая ты горячая! А что она сказала? – спросил повар у хохочущего Джонни. Тот хитро прищурился.

– Нууу... Что ей понравился стейк.

Лив бросила на него злой взгляд, но промолчала, а Джессика улыбнулась.

– Да, моя сестричка умеет придумывать изысканные методы расправы! Она тебе понравилась, Эндрю?

Повар вытаращил глаза и отступил на шаг назад, испуганно и шокировано глядя на Лив:

– С-с-сестра? В смысле она... она...

– Да. – кивнула Джессика и хихикнула.

Лив нахмурилась. Эндрю затрясся и поклонился ей:

– П-простите, мисс Мартинес, я не знал, я прошу, не сердитесь на меня... Я вот для вас приготовил... ваш друг сказал, что вам это понравится...

Он поставил перед ней тарелку и ловким движением снял крышку. Глазам Лив предстал потрясающей высоты невероятный шоколадный пудинг, на котором кремом было написано: «Моей дорогой конфеточке от Эндрю». Эндрю испуганно сглотнул, посмотрев на надпись и заметив, как Лив со скепсисом читает ее, и попятился. Джессика и Джонни хохотали навесь бар, даже на улице наверняка было слышно.

Лив ухмыльнулась и взяла ложку.

– Ну, пончик, тебе повезло! *Это* мне действительно нравится, так что сегодня я не буду жарить твою задницу на одной из тех великолепных плит в твоей кухне.

Эндрю сглотнул.

– Простите, мисс Мартинес, умоляю, я не знал, что это вы, я бы никогда не назвал вас...

Лив хмыкнула, жуя сказочно вкусный десерт.

– Конфеткой? Ладно, проехали. Пока, пончик! – и она помахала ему, намекая, чтобы он проваливал.

Джонни и Джессика не переставали хохотать.

– Да хватит уже! – ругнулась на них Лив и запустила в Джонни кусочком пудинга с ложки. Тот ловко увернулся и, подбежав к Лив с другой стороны, огненно и очень игриво оглядел ее очаровательными и невероятно сексуальными глазами, горячо шепнув:

– Il tuo italiano è semplicemente meravigliosa, tu dici molto... сексуально. – добавил он по-английски и Джессика, услышав это, опустила глаза и помрачнела («Твой итальянский просто потрясающий, ты говоришь очень сексуально» – с итал.)

– Отвали, Джонни. – отмахнулась от него Лив, но внутри нее вдруг закипела кровь, а сердце пропустило один удар. Это обаятельный идиот знает, как зацепить женские гормоны! Слегка покраснев, она добавила спокойным тоном:

– Пудинг изумительный!

Остаток вечера они болтали, Лив все больше узнавала о сестре и ее жизни в мафиозном мире Нью-Йорка, а Джонни очаровывал их своим мужским обаянием и игривым огнем.

Глава 5

Утро следующего дня настало удивительно быстро (точнее был уже полдень, но Лив легла только в половину третьего утра, они с Джессикой болтали, а Джонни им мешал) и с громкого телефонного звонка. Лив оторвалась от подушки и, с трудом продрав один глаз, сфокусировала свой мобильник на шикарной тумбочке возле шикарной кровати, в которой она спала на

животе в розовой полупрозрачной комбинации с белым, кружевным верхом и низом, отделанным мягким пушком, очень короткой, открывающей ее стройные, аккуратные ножки.

Откинув спутавшиеся, кудрявые пряди с лица и понимая, что сейчас начнет сильно литься, Лив взяла трубку, снова упав лицом в подушку:

– Алло? – глухо пробурчала она.

– Оливия! – раздался звонкий и жесткий голос отца. – Ты что, еще в постели?

– Отец! Какого черта ты названиваешь? Я думала сохранить мобильник, чтобы еще через 16 лет ты мог снова вспомнить обо мне и набрать мой номер.

– Лив. Прекрати. Я звоню напомнить о сегодняшнем ужине. Я жду тебя и Джессику.

– О-о-о... – раздраженно протянула Лив. – Отец, ты что, думаешь, я тупая? Я помню о том, куда НЕ собираюсь сегодня идти. А теперь дай поспать, передавай привет своему попугаю, пока.

Она собиралась положить трубку, но, кажется, отец начал потихоньку выходить из себя.

– Лив!!! Честное слово, ты меня с ума сведешь! Я еще раз говорю – это не просьба! Ты приедешь и точка! Потому что я так сказал! Я – твой отец, ты не смеешь мне...

– Папуля, мне пора, меня ждет сладкий сон, в котором тебя не будет! Ариведерчи! – и она положила трубку, швырнув телефон в стенку.

– Лив! – услышала она в дверях голос Джессики и поморщилась. – Зачем ты так с ним? Он хочет наладить с тобой отношения, чтобы мы снова стали семьей! – Джессика вошла и села на кровать к Лив. Та неохотно развернулась и, сдвув белокурую прядку с лица, посмотрела на нее. Джессика уже была одета в белый костюм, состоящий из модного, укороченного пиджачка, под которым виднелась черная майка, белых, обтягивающих ее длинные стройные ножки, брючек и черных, лакированных туфель на шпильке. Она была причесана, ее прямые, темно-каштановые волосы блестели на солнце, а на лице красовался нежный деловой макияж. Джессика улыбнулась. – Я понимаю, что прошло много времени, и ты ненавидишь его, но он действительно хотел сохранить тебе жизнь.

– Джессика! – жестко воскликнула Лив. – Вчера я узнала, что мой отец переспал с другой, чтобы сделать мальчика! А родилась я! Моя мама, которую я помню, которую я люблю, оказывается, мне не родная, и ее убили из-за этой идиотской сделки отца с женой Рико Карелли. На меня охотились, и сейчас охотятся, по его словам, да мне плевать на это, но он не захотел защитить меня сам! Он отправил меня в этот пансионат, а мог бы просто охранять меня, держа поближе к себе, но он не сделал этого! Он во всем виноват, и мне нужно время, чтобы хотя бы перестать чувствовать искры в своей груди, когда я его вижу.

Джессика вздохнула и тепло похлопала Лив по одеялу, под которым явственно вырисовывался контур ее ноги.

– Я понимаю это, милая. Но ты же знаешь... Он крестный отец. Мы обязаны прийти. Это мафия.

Лив разозлилась и стукнула кулаком по кровати, психуя от бессилия.

– Я знаю. Ладно. Пойдем на эту сходку.

– И ты будешь выбирать выражения в присутствии его гостей?

– Еще чего!

Джессика закатила глаза.

– Ладно, мне пора в банк. Нужно проверить счета по отмыванию доходов. Вернусь к пяти, будь дома, подберем тебе подходящий наряд.

– Угу. Только через мой...

– Я тебя не слышу! – весело крикнула Джессика, выходя из комнаты. Лив злобно упала в подушки.

Весь оставшийся день ей пришлось без толку слоняться по своему шикарному номеру в одиночку, потому что ни Джессики, ни Джонни, который написал ей смс: «Розовая комби-

нашка? М-м-м!!!», – и опять смутил ее, не было. Лив заказала себе три пиццы и с наслаждением их уплетала: в спальне, в гостиной, в смежном номере сестры и друга детства, в который она могла легко входить без ключа, также, как и они к ней. Она посмотрела телевизор, изучила вещи сестры, нашла несколько фотографий на полках у нее в спальне и с интересом их разглядывала, проявила какое-то странное любопытство к вещам Джонни, небрежно разбросанным по всему номеру, и вдохнула аромат его одеколона, который слегка ощущался от его одежды, и снова почувствовала себя странно...

И, наконец, около пяти, дверь отворилась, и всплыла Джессика, устало скинув пиджак и улыбнувшись.

– Боб и Ларри говорят, ты весь день шастала по нашим номерам и заказала кучу пиццы! Я горжусь твоим смирным поведением, сестричка! Кстати, где пицца?

Лив виновато заглянула в одну из коробок, где лежали два последних кусочка.

– Вот она... У меня не было настроения гулять.

Джессика увидела две пустые гигантские коробки и рассмеялась.

– Как в тебя вмещается столько еды? Ты же такая маленькая!

– Я трачу много энергии на ненависть к врагам. – невозмутимо заявила Лив, засовывая в рот клубничный леденец.

Джессика покачала головой.

– Ладно. Об этом потом. Сейчас решим, что ты наденешь.

Лив возвела глаза в потолок. Вскоре Джессика, просмотрев каталог какого-то модного магазина и, выбрав платье, выглянула за дверь и дала срочное указание громилам-охранникам немедленно привезти ей платье и туфли как на картинке в ноутбуке. Ровно через полчаса (а времени было уже шесть), Ларри влетел в номер с двумя коробками и, положив их на кровать перед Лив, тут же испарился.

– Одевай! – радостно воскликнула Джессика. – Это из последней коллекции Версаче.

Лив вытаращила на нее глаза и сморщила носик.

– Ты серьезно потратила кучу денег на тряпочку для тела? А чем плохи мои цветастые штаны? – ворчала Лив, открывая коробку и доставая наряд.

Через пять минут она уже крутилась перед зеркалом в потрясающем, облегающем ее подтянутую, стройную и аккуратную маленькую фигурку, персикового цвета платье без лямок, подчеркивающим ее небольшую, но пухлую грудь, и достаточно открывающим восхитительные ножки, на которых красовались замшевые туфельки такого же нежного персикового оттенка на невероятно высоченной и супер-тонюсенькой шпильке, которая выглядела гораздо более хрупкой, чем оказалась на самом деле. Волосы Лив были распущены и струились волнами по спине, их светло-русый оттенок сиял на фоне нежного цвета платья. Откинув непослушные пряди с лица, Лив заметила прекрасно наложенный макияж, подчеркивающий морского цвета глаза, темные брови и алые губки.

Джессика, на которой было белоснежное, тоже довольно короткое платье, завязывающееся на шее и струящееся от талии до колен, а также белые, лакированные туфельки на каблучке, захлопала в ладоши.

– Круто, круто! Ты красotka!

Лив хмыкнула и посмотрела на сестру.

– Это платье не дает сделать нормальный шаг, но ни в какое сравнение не идет с пьедесталами у меня на ногах. Может я все-таки останусь дома?

– Еще чего! – Джессика подскочила. – Нам уже пора! Едем!

Они вышли из отеля, сопровождаемые восторженным и невероятно пошлым взглядом охранников и других служащих, а Бобби не мог исподтишка не взглянуть лишний раз на Лив, которая, как он думал, просто не замечала этого. Но его глаза на ее ножках или шее так доса-

ждали девушке, что, когда они приехали в «Иль чьело стелато», выйдя из машины, она гневно улыбнулась и прошипела, глядя на него снизу вверх:

– Бобби, если ты не прекратишь на меня пялиться, то клянусь, я подожгу тебя твоей же зажигалкой, пока ты будешь спать ночью! Усек, дубина?

Бобби испуганно вытаращился, глядя на девочку втрое меньше себя, но с таким грозным лицом (и не менее грозным папочкой), что он залепетал:

– Простите, мисс Оливия, я случайно, обещаю больше не смотреть на вас никогда... в смысле не смотреть *так*... я...

Лив махнула ему рукой, устав от его надоедливых извинений, и двинулась за сестрой. Из-за пробок на дорогах, они подъехали как раз к семи часам.

Войдя в убежище Эйдена, Лив и Джессика прошли в сопровождении людей отца из его кабинета в соседнюю комнату, которая оказалась просторным залом для совещаний, наполненным людьми.

Посреди стоял длинный-предлинный стол из красного дерева, за которым сидели и переговаривались около десяти человек. Все они выглядели достаточно представительно в дорогих костюмах, подчеркивающих их достаток. Позади всех этих людей толпились бугаи с оружием наготове, похожие на Бобби и Ларри, и Лив сразу догадалась, что это охрана.

Во главе стола (на столе, между прочим, теснилось бесконечное множество бутылок дорогого алкоголя и невероятное разнообразие закусок) сидел Эйден, в идеальном черном костюме, синей рубашке и темно-синем галстуке. Он курил дорогую сигару и разговаривал с каким-то полуседым, сморщенным мужичком в синем костюме. Увидев дочерей, он поднялся, довольно улыбнувшись. Все присутствующие услужливо повскакивали со своих мест, и воцарилась тишина. Лив ощутила десятки глаз, с любопытством изучающих ее с ног до головы, и начала злиться.

Отец подошел к дочерям, раскинув руки в приветственном жесте:

– Джессика, Оливия! Хорошо, что вы пришли, будем начинать. Присаживайтесь.

Он подвел их к двум черным кожаным креслам по обе стороны от его места, и девушки сели. Джессика вежливо поздоровалась в ответ на приветствия гостей, а Лив с сарказмом проговорила:

– Отец, а ты не предупреждал, что это будет вечеринка в костюмах! Ну ничего, все равно никому из этих старикашек не переплюнуть тебя по стоимости прикида!

Гости ошарашено уставились на нее, Джессика умоляюще шепнула: «Лив!», а Брайан (тоже, кстати, в костюме, только коричневого) зашикал на нее из-за спины босса. Отец ледяным тоном проговорил:

– Оливия, не оскорбляй моих гостей. Что за манеры.

Лив проигнорировала его слова, заметив Брайана и саркастично ухмыльнувшись:

– О, вермишель, и ты здесь! А я и не знала, что подхалимов тоже приглашают! – она глянула на закуски перед собой. – М-м, креветочки, обожаю!

И, не обращая внимания на осуждающие и, мягко говоря, шокированные взгляды гостей, Лив аккуратно подцепила креветку с тарелки и сунула себе в рот. Джессика расширенными глазами буравила ее из-за отцовской спины, а сам Эйден ничуть не взбесился, напротив, был холоден и жесток. Он сложил руки на груди и, невозмутимо выдохнув дым, громовым голосом заявил на весь зал:

– Это моя дочь Оливия. Она шестнадцать лет жила в закрытом пансионате, и это определенно испортило ей характер. Не обращайтесь на ее поведение. Обсудим более важные вещи.

Дальше Оливия с веселым скепсисом поела закуски со стола, запивая их белым вином и, вполуха, без интереса слушала речи отца про бизнес, разглядывая людей за столом. Слева от нее сидели двое совершенно одинаковых мужчин лет сорока, в модных одинаковых костю-

мах, но разного цвета рубашках и галстуках. Они оказались торговцами оружием из Северного Ирана, которое они каким-то запутанным способом провозили в Америку.

Рядом с ними жевал трубку носатый старик в темно-красном клетчатом костюме и гангстерской шляпе, который был управляющим сети самых элитных казино города, имевших подпольную торговлю наркотиками (за которую отвечал мужчина в синей, как у отца Лив, рубашке, сидящий справа от нее).

Дальше Лив не очень поняла, трое мужчин, сидящих рядом с наркоторговцем, кажется, были политиками из разных партий, они все время спорили о чем-то сложном, во что девушке вслушиваться было лень, а вот последние два гостя, сидящие на почетных местах напротив отца и его дочерей, оказались очень интересными.

Это были мужчина и юноша, при чем Лив сразу определила, что они приходились друг другу отцом и сыном. Мужчина выделялся густой седой шевелюрой, худым, вытянутым лицом и такой же белой щетиной, так что при первом взгляде он напоминал обыкновенного старика, потягивающего белое вино. Но Лив как будто физически чувствовала его отличие от безобидных стариканов-пенсионеров, главным образом, потому, что его ясные голубые глаза смотрели на окружающих с надменностью и холодным презрением, оценивая окружающих ниже уровня подошв собственных дорогих лакированных туфель. А может потому, что на его руке был массивный золотой перстень с фамильным вензелем. Ну и может из-за модного темно-серого костюма и черной рубашки, не обремененной галстуком.

Хотя нет. Из-за того, что он не отрывал пронзительного и невероятно ледяного взгляда от самой Лив, как будто на ее коже была напечатана интересная книга. Оливии не было страшно, но она недоумевала, почему этот немолодой тип так уставился на нее. Другое дело его сынуля. Явно высокий, худоватый в отца, блондин с немного резковатыми, выпирающими скулами, вытянутым горбатым носом и светло-кариими глазами, в модной черной куртке, серой рубашке и джинсах с туфлями, он мерзко и пошло ухмылялся, тоже не отрывая взгляда от Лив. Оливия видела в его глазах уверенность в себе и в том, что лучше и круче его нет никого на этой земле, а все вокруг – это просто мелкие, презренные, недостойные внимания его Высочества людишки. В общем, он нагло ухмылялся, оглядывая Лив оценивающим взглядом из-под прищуренных век.

Наконец, отец свернул тему бизнеса и вдруг резко заговорил, поглядывая на дочерей:

– Есть еще одна тема, которую нам нужно сегодня обсудить. Все вы прекрасно понимаете, что рано или поздно мне придется оставить бизнес. К сожалению, у меня нет наследника, который мог бы взять власть в свои жесткие руки, но зато есть две дочери. И именно они будут вести мои дела после того, как я умру.

За столом воцарилась тишина. Присутствующие с огромным любопытством слушали, затаив дыхание. Только Лив триумфально улыбнулась и спокойно проговорила:

– Это ты так думаешь, папочка.

– Не встречай, Лив. – жестко, но тоже спокойно осадил ее Эйден. – Я уже передал почти половину своих дел Джессике и она неплохо справляется. Через месяц будет заключен ее брак с сыном Оливера О-Коннела и он тоже получит половину бизнеса отца. Так мы объединим семьи под одну крышу, а заодно и земли Нью-Йорка, вдвое увеличив наш общий доход. Но все вы знаете, что уже десять лет я сотрудничаю с еще одним боссом мафиозной семьи – Генри Уолшем. – отец посмотрел на пышущего важностью седого дедка, который, наконец, оторвал глаза от Лив и удостоил Эйдена своим вниманием. – Генри контролирует район Бронкс и мы оба пришли к мнению, что наши семьи тоже необходимо соединить.

Лив прыснула.

– Папа, только прежде, чем ты сделаешь предложение мистеру Уолшу, убедись, что он не женат.

Эйден раздраженно посмотрел на дочь, а Джессика попыталась махнуть сестре, чтобы та остановилась, но Лив только с интересом наблюдала за отцом. Эйден глубоко вздохнул и произнес жестким тоном:

– Оливия, думаю, ты и сама догадываешься о том, что я собираюсь сказать. Я передам тебе пятьдесят процентов своего бизнеса, а Генри сделает то же самое в отношении своего сына Блейка, после чего вы поженитесь.

И снова тишина. Блондин Блейк криво ухмыльнулся, а Лив на минуту потеряла дар речи. В ее голове вдруг застучал шум собственного сердца, и она, вытаращив и без того большие бирюзовые глаза на отца, не могла вымолвить ни слова от шока и неожиданности. Блейк вдруг мило улыбнулся, хотя его глаза при этом оставались холодными и явно не такими искренними, как улыбка. Он спокойно проговорил:

– Я буду очень рад, мистер Мартинес. У вас прекрасная дочка.

В этот момент «прекрасная дочка», наконец, очнулась от шока и гневно воскликнула:

– Отец!!! Ты с какой сосны свалился??? Тебе что, вместо человеческого, мозг обезьяны вживили??? Что значит «поженитесь» ??? Нет, ты точно не в своем уме!!! Да никогда в жизни!!!

Оливия вскочила и, схватившись за волосы, взлохматив свою пышную гриву еще больше, стала носиться из стороны в сторону, восклицая:

– Я не могу поверить! Он решил окончательно превратить мою жизнь в дерьмо!

– Оливия! – громыхнул отец. – Не говори ерунды! Блейк – прекрасный молодой человек, деловой, уверенный, и мне известно, что он очень ловко ведет некоторые предприятия отца, увеличивая прибыль семье. Это отличная партия для тебя.

Оливия остановилась напротив отца, кипя злостью и негодованием. Грозно сложив руки на груди, она вскричала:

– Ты серьезно, папаша?!? Мы же не в Средневековье, чтобы идти под венец с теми, кто «якобы» представляет отличную партию!!! Да ты из ума выжил, старик!

– Лив! Прекрати немедленно! – грозно прикрикнул Эйден. – Таковы традиции мафиозных семей, ты прекрасно об этом знаешь! Вот и Джессика тоже...

– Джессика выходит за Джонни! – закричала Лив. – Это не одно и то же! Он наш друг детства!

Джессика во время всей этой перепалки все пыталась схватить Лив за руку и как-то успокоить, но когда всплыла тема ее свадьбы с Джонни, она села на свое место и поникшим голосом проговорила:

– Она права, папа...

– Эйден. – вдруг тихо, но очень значимо и властно прошелестел Генри Уолш, закуривая сигару. – Ты уверен, что сможешь гарантировать выполнение своей части сделки?? Твоя дочь...

– Моя дочь сделает то, что я ей говорю. – жестко прервал его Эйден, бросив на Лив испепеляющий взгляд. – Я никогда не нарушаю обещаний.

– Что ж. – все тем же тихим, но влиятельным тоном проговорил Генри. – В таком случае условимся, что через полтора месяца мой сын возьмет в жены твою дочь и мы сможем объединить семьи и наш бизнес. Ты получишь влияние над всем Нью-Йорком, а я – дополнительную мощь.

– Так и будет, Генри. – кивнул отец.

Лив скептически ухмыльнулась и, увидев, что Генри снова пронзил ее взглядом, злобно проговорила:

– Обломись, старый хрыч.

Генри сощурился, и его взгляд обледел. Лив увидела, как в нем поднимается волна оскорбленного самолюбия, и улыбнулась себе.

– Оливия, немедленно извинись! – грубо крикнул отец, взяв непослушную дочь под локоть и развернув лицом к Генри, но тот спокойно встал и проговорил:

– Не волнуйся, Эйден. Твоя дочка просто еще не преодолела кризис подросткового возраста, и в любом случае мучиться с ней буду не я, а Блейк. Если мы закончили, то можем расходиться?

Эйден вздохнул.

– Да, мы все решили. Давайте прощаться.

И началась долгая и муторная церемония прощания, которая включала в себя звонкие чмокания в обе щеки и очередь за тем, чтобы расцеловать Эйдена Мартинеса и сказать ему теплое «до свидания, спасибо за ужин».

Лив стояла в сторонке, дергая коленом и сложив руки на груди, злясь от бессилия и отчаяния и одновременно разрываясь от желания вскочить на этот длинный обеденный стол и со звоном и дребезгом раскидать ногами посуду и остатки еды, пританцовывая с бутылочкой виски в руке.

В этот момент она явственно ощутила на себе пристальный взгляд, скользящий по ее фигуре сверху вниз, и обернулась. Блейк действительно разглядывал ее с ног до головы, и в его глазах блеснула животная похоть. Он приблизился к ней и тихо прошептал так, чтобы никто не слышал, кроме Лив:

– А ты горячая штучка, Лив... В скором времени мы познакомимся поближе, обещаю... – он снова пошло оглядел ее с ног до головы и мерзко осклабился.

Лив затрясло от злости и омерзения, этот парень внушал ей ужасное отвращение и ей совсем-совсем не нравилось, что он так на нее смотрел.

– Соблюдай дистанцию, ушлепок. Или наше «близкое знакомство» окончится тем, что я свяжу в морской узел некоторые твои конечности. Надеюсь, ты хорошо понимаешь английский? – гневно улыбаясь, прошипела она.

Блейк только шире улыбнулся, облизнув губы, пожирающе глядя на Лив.

– М-м-м, да ты чертовски сексуальна! Мне пора, детка, но знай, я очень скоро найду тебя и сделаю с тобой все, о чем ты мечтала в своих сладких эротических фантазиях! – и он послал ей воздушный поцелуй двумя пальцами и удалился, а Лив, испытывая злобное напряжение, прошипела ему в спину:

– Только попробуй, извращенец! Увидишь, что будет...

Наконец, в помещении остались только Лив, Джессика и Эйден. Ах да, и, конечно, Брайан. Джессика села за стол и налила себе вина со словами:

– Сейчас начнется. Брайан, выпьешь со мной?

Брайан вздохнул и, сев рядом с Джессикой, плеснул себе виски. Оливия все так же злилась, прожигая отца обиженным взглядом. Внутри нее постепенно тлели угли. Эйден стремительно подошел к ней:

– Оливия! Как ты могла так унижить меня перед моими гостями? Ты вела себя совершенно бестактно и отвратительно, как маленькая глупая девчонка!

Лив вскипела.

– Как?!? Ну, даже не знаю, может потому, что ты резко объявился в моей мерзкой жизни и тут же решил с моей помощью прибрать к рукам Бронкс, а заодно и весь Нью-Йорк? И ты, не спросив моего согласия, и тем более не снизойдя до того, чтобы просто попросить меня о помощи в этом деле, решил связать мою судьбу с гнусным, пошлым мерзавцем, умеющим преподнести себя, как дорогой одеколон??? Ну и, конечно, ты не утруждал себя в том, чтобы предупредить меня заранее о своей гениальной идее!!! Может из-за этого всего я и выставила тебя полным идиотом, кем ты, кстати, и являешься???

Эйден всплеснул руками и закинул ладони за голову. Глубоко вздохнув, он вернул своим бешеным эмоциям равновесие и более спокойно проговорил:

– Прости, что испортил тебе жизнь, дочь. Я еще долго буду расплачиваться за то, что сделал с тобой. Но сейчас необходимо принять важное решение касательно нашего семейного

бизнеса. Нам нужны деловые и влиятельные мужчины, члены других мафиозных семей, которые смогут управляться с делами и держать город под контролем. Ты и Джессика – всего лишь женщины. Вам не справиться с этим в одиночку, нужна твердая мужская рука. Вот почему твоя сестра выйдет замуж за Джонни О-Коннела, а ты – за Блейка Уолша. Да, он не красавец, и ты наверняка мечтала немного о другом...

Лив захохотала.

– О другом??? Запомни, отец, я не собираюсь замуж вообще никогда, ни через неделю, ни через полтора месяца, ни вообще в этой и любой другой параллельной реальности, ни даже после смерти, уверяю тебя! Так что твой Блейк в пролете, так ему и передай, потому что если этот извращенец еще раз ко мне подойдет, я переломаю ему каждую косточку его отвратительного тела!

Отец нахмурился, смерив дочь остекленевшим взглядом.

– Оливия, Блейк обидел тебя? Если да, то я...

– Брось, папуля! – махнула рукой Лив. – Я прекрасно могу позаботиться о себе сама, так что защищай лучше этого ушлепка.

– Папа, а обязательно выдавать Лив за Блейка? У него действительно не очень чистая репутация... – начала рассудительно Джессика, но Эйден махнул рукой:

– Глупости, Джесс. Ты веришь выдумкам врагов. Блейк – прекрасный деловой и серьезный молодой человек, ему 28 лет, он взрослый и уверенный в себе. Оливия, у тебя нет выхода. Ты *будешь* делать то, что я тебе говорю. – жестко и очень властно проговорил он, сделав особое ударение на последней фразе.

– Иначе что? – хмыкнула Лив.

Эйден нахмурился.

– Иначе мне придется устроить тебе публичную порку. А я этого очень не хочу. Не вынуждай наказывать тебя, Лив!!

– Да пошел ты!!! – процедила в сердцах Лив и, сгорая от гнева, вылетела из помещения.

Внутри нее все кипело негодованием и обидой. Эмоции зашкаливали, Лив ощущала гнев и злость каждой клеточкой своего тела, и ее била истеричная дрожь.

Она вылетела на улицу и быстро огляделась. Полно машин, где-то стоял «Кадилак» отца, но ей вдруг стало так мерзко использовать что-то, что принадлежит ему, что Лив просто выскочила на проезжую часть и поймала первое попавшееся такси:

– В бар «Аквамарин». – распорядилась она, мечтая о каком-нибудь убойном коктейле с виски, желательно состоящем на две-третьи из виски.

Через двадцать минут она уверенно распахнула двери бара и, привлекая к себе (точнее к своей фигуре в пикантном наряде) чрезмерное мужское внимание, пронеслась к барной стойке и плюхнулась на стул.

Джонни был здесь, по обыкновению одетый в бирюзовую футболку, драные джинсы и синие кеды, обвязав вокруг талии черный фартук. Он готовил какой-то синий коктейль с участием рома и огненного фитиля и, не отвлекаясь на свое увлекательное занятие, обаятельно и очень горячо смотрел в глаза двум милым девушкам у бара, улыбающихся ему самыми игривыми улыбками, на которые они только были способны.

Джонни явно говорил что-то интересное и одновременно горячее, его сияющая улыбка и игривый блеск зеленых глаз, как магнитом, притягивали к себе, и Лив снова почувствовала эту ауру обаяния, тепла и страсти, которая исходила от него и обволакивала ее со всех сторон... В прочем, не только ее. Почти все девушки бара поглядывали в его сторону, в надежде хоть на какой-то знак внимания.

Чтобы привлечь Джонни, Лив нетерпеливо и громко хлопнула ладонью по стойке и властно воскликнула:

– Джонни!

Джонни резко повернулся и, увидев Лив, просиял веселой и обаятельной улыбкой, через секунду подскочив к ней. Его зеленые глаза восторженно разглядывали тело Лив с тем озорным и игривым блеском, с каким он всегда заигрывал с девушками, но Лив сейчас не могла думать о том, как он откровенно страстно пялится на нее.

– Оливка! Я рад, что ты пришла! Ты выглядишь просто невероятно! Как прекрасная принцесса из сказки. Конечно, пока не начала называть людей своими веселыми прозвищами... – мило добавил он, обаятельно подмигнув и положив локти на барную стойку, и спросил:

– Как прошел ужин?

– Non hai idea di che questo vecchio asino ha deciso di fare per me! – громко воскликнула Лив, от злости перейдя на родной итальянский язык. («Ты не представляешь, что этот старый осел решил со мной сделать!» – с итал.)

Джонни горячо улыбнулся.

– Più! Adoro quando parli in italiano! – игриво прошептал он, обжигая своим огненным зеленым взглядом («Продолжай! Обожаю, когда ты говоришь по-итальянски!» – с итал.), но в этот момент он вдруг опомнился и, оглядевшись, нахмурился, вмиг посерьезнев. – Стоп! Оливка! А где Джесси? И твоя охрана? Почему ты одна?

Лив нетерпеливо махнула рукой.

– Я приехала на такси. Мне не нужны няньки.

Джонни сурово посмотрел на нее, понизив голос и жестко проговорив:

– Малышка Лив! Это же не шутка! Пойми, что для тебя передвигаться без охраны может быть...

– Ой, да перестань, зануда Джонни! – рассерженно воскликнула она. – За двадцать минут в салоне такси я как-то не заметила никого, кто хотел бы меня убить!

В этот момент у нее в сумочке зазвонил телефон. Лив недовольно взглянула на экран.

– Джессика. – угрюмо проговорила она и сняла трубку. – Да, Джесс.

– Ты... Лив, о чем ты думала??? Где ты??? Почему не дождалась меня??? Почему не села в «Кадиллак» ??? – кричал в трубку разъяренный голос сестры, Лив, нахмурившись, слушала, а Джонни триумфально, с видом «я же тебе говорил», улыбался, делая какой-то незамысловатый коктейльчик.

– Джесс, не ори ты так, я в «Аквамарине», жива и здорова, мне нужно было срочно уйти, чтобы не плюнуть этому старому сморчку в рожу...

– Piccolo sciocco! Non andare via, io ora farò! – гневно крикнула Джесси и отключилась. («Маленькая дурочка! Никуда не уходи, я сейчас буду!» – с итал.)

Лив хмыкнула, пожав плечами, и вновь гневно посмотрела на Джонни. Тот поставил перед ней коктейль и сияюще улыбнулся:

– О, ваша первая ссора! Жду с нетерпением! Ну так что там придумал старый осел?

Лив глотнула коктейль и поморщилась: почти одно виски, как она и хотела. Ну откуда он мог знать?..

– Он требует, чтобы я вышла замуж за этого дегенеративного извращенца Блейка Уолша! Хочет объединить наши семьи, крокодил прожорливый, все ему мало! – гневно и отчаянно возмущалась Лив.

Джонни вытаращил глаза и ухмыльнулся.

– За сыночка Генри Уолша??? Да, он редкостная мразь. Даже увидев издали, как он обращается с женщинами, можно было бы отрубить ему руки.

Лив задумчиво посмотрела на Джонни.

– А это идея. Давай так и сделаем.

Джонни улыбнулся.

– И что ты ответила?

Лив злорадно ухмыльнулась.

– Кому? Папаше Уолшу я сказала, чтобы он обломился, а младшему ушлепку – что завяжу в крепкий узелок его ручки и ножки, если он попробует приблизиться ко мне.

Джонни весело расхохотался.

– Молодец, малышка Лив! Теперь я понимаю, почему ты уехала оттуда одна. – тут он посерьезнел и наклонился близко-близко к Лив. Она засмотрелась в его обжигающие, игривые зеленые глаза, забыв обо всем, но Джонни тихо проговорил:

– А если серьезно, Оливка, что ты собираешься делать?

Лив сжала зубы и опустила глаза в бокал с коктейлем.

– Ты же знаешь, что я не могу пойти против семьи. Против отца. Теперь я вынуждена делать то, что он хочет, раз вернулась в Нью-Йорк. Но этот мерзавец Блейк... Меня тошнит от одного только его вида! – прошипела Лив, снова вскипев. – Мне придется выйти за него... Но я его убью. Это факт.

Джонни грустно улыбнулся.

– Только не забудь подстроить это как несчастный случай, иначе наступит война между семьями. Мне на самом деле очень жаль, малышка Лив. Ты заслуживаешь большего... Хотя бы того, кто будет невероятно шикарен в постели! – хитро подмигнув, игриво улыбнулся он, и Лив внутренне стыдливо вздрогнула. Была затронута самая неудобная для нее тема, и она ощутила, как смущение захватывает ее и щеки начинают краснеть. Лив постаралась беспечно ухмыльнуться, как будто понимала, о чем идет речь, и тут же снова посмотрела в бокал, избегая такого откровенного и притягательного взгляда Джонни.

В этот момент дверь бара распахнулась, и влетела разъяренная Джесси, спасая Лив из неловкого положения. За ней по пятам с виноватыми лицами семенили Бобби и Ларри, но держались поодаль, чтобы не попасть под горячую руку Джесс.

– Оливия! – громыхнула Джесс, совсем как отец, плюхнувшись рядом с сестрой за стойку. – О чем ты только думала??? Ну зачем ты уехала одна!?! Ты разве не понимаешь... – Джессика набрала в грудь побольше воздуха и с новой силой затараторила:

– Ты разве не понимаешь, что членам семьи Мартинес опасно передвигаться в одиночку! Тебя могли похитить ради выкупа, могли изнасиловать и бросить где-нибудь в подворотне, могли убить сотней изощренных способов! Влияние отца так велико, что у него много мелких врагов, готовых каждую минуту устроить какую-нибудь пакость! Не говоря уже о враждебных могущественных кланах из Чикаго... Да что тебе об этом говорить, ты же упертая, как...

Джесси остановилась, чтобы выпить бокал шампанского, появившегося перед ней по мановению волшебной руки Джонни, но тут же девушка очнулась и хмуро глянула на жениха:

– Шампанское, Джонни? Почему шампанское?

Джонни мило и обаятельно улыбнулся, пожав плечами.

– Отмечаем вашу первую ссору. Со стороны смотрится очень круто: одна кипит, как чайник, а другая с безразличным видом смотрит в одну точку, явно не воспринимая ни слова из того, что...

Джессика резко развернулась к Лив и заметила, что та действительно ее не слушает, болтая трубочкой в остатках коктейля в своем бокале.

– Лив! – возмущенно воскликнула она.

Лив вдруг отчетливо поняла, что после слов «ты разве не понимаешь...» действительно ушла в свои мысли и абсолютно не знала, о чем разорялась ее сестра. Угрюмо выдохнув, она посмотрела на Джесси, подняв брови.

– Что? Прости, Джесс, у меня аллергия на повышенные голоса... Сразу отключаюсь! Ты что-то говорила? – она мило надула губки и быстро добавила, видя, как сестричка снова заводится, готовая оседлать своего конька:

– Ах да. В следующий раз, когда я соберусь куда-нибудь сходить, кину тебе адрес смс-кой.

Джессика покачала головой.

– Ты ведешь себя, как маленькая, Лив. Ладно, проехали. Но как ты могла так унижить отца на ужине?? Ты хоть понимаешь, что подорвала его авторитет у очень влиятельных людей? Теперь ему придется вновь завоевывать доверие и беспрекословную власть, чтобы его боялись, как и прежде! Ты знаешь, что подчинение основано на страхе, и...

– Ну вот, опять. – пожала плечами Лив. – Сестричка, я отключаюсь, когда закончишь – просто хлопни меня по спине. – и Лив перегнулась через стойку, за которой хохочущий Джонни так опрометчиво оставил бутылку шампанского и, налив себе бокал, погрузилась в свои мрачные мысли, опять полностью игнорируя крики Джессики.

Оливия думала о том, что не может избежать исполнения воли отца. Да, ей придется выйти за этого ублюдка Уолша... Но об этой проблеме она подумает через полтора месяца. А сейчас ей необходимо во что бы то ни стало уменьшить свою зависимость от отца. У нее были свои сбережения, которые она копила всю жизнь в пансионате, но в переводе на доллары этого было недостаточно. Тогда Лив вспомнила о своем трастовом фонде. Родители открыли его сразу после ее рождения, и с тех пор сумма на счете регулярно пополнялась. Оливия знала, что это будет неправильно, но ей необходимо было с чего-то начать... Она не будет зависеть от него, и ей плевать на его охрану, дорогие особняки и машины. Она почти всю жизнь жила в минимальных удобствах, и ее это устраивало. Лив не собирается пользоваться благами отца, не будет влезать в его бизнес. Она начнет собственную жизнь, и чем меньше ей придется пересекаться с Эйденом, тем лучше для нее... и для него.

Звук включился. Лив заметила, что выпила почти всю бутылку и что Джессика угрюмо молчит, сложив руки на груди, обиженно отвернувшись. Джонни рядом не было, и Оливия вдруг ощутила укол вины за то, что так обошлась с сестрой. Она вздохнула и проговорила:

– Прости, Джесс, что не смогла сохранить самообладание и прикинуться пай-девочкой в глазах этих уголовников! Поверь, дочка-психопатка не очень мешает тридцатилетнему стажу железного короля в устрашающей мантии. – Оливия налила себе еще бокал и услышала, как Джесси хмыкнула. Посмотрев на ее лицо, Лив заметила мелькнувшую улыбку и серьезно выпалила:

– Сестра, я съезжаю из «Пантеона».

– Что-о-о??? – завопила Джесси. – Исключено! Лив, ты там в безопасности, ты...

– Джесси. – жестко проговорила Лив. – Я не буду жить в его отеле! Я позабочусь о себе сама.

– Ты чокнутая. – услышала Лив веселый голос Джонни, непонятно как оказавшегося рядом с ними. Он огненно смотрел на Лив, чуть прищурившись, но в его тоне не было осуждения. Его пронизательные глаза внимательно вглядывались в ее лицо, и Лив тихонько вздохнула. Кажется, он слишком хорошо понимал ее, и от этого ей было немного странно, но и чертовски приятно. – Ладно. Мы переедем. Но придется взять дополнительную охрану, думаю, Бобби и Ларри одни не справятся, да и мои ребята уже немолоды...

Лив удивленно уставилась на него.

– У тебя что, тоже есть охрана??

– Я же сын Оливера О-Коннела, ты забыла, Оливка? – спокойно, без какой-либо гордости или заносчивости напомнил он.

Но тут Лив сообразила:

– «Мы» ??? Что еще за «мы» ?? Я переезжаю одна, и это не обсуждается!! Даже не думайте, что я горю желанием тащить за собой целый полк!

Джессика и Джонни переглянулись, и Джесс устало проговорила:

– Как это ни прискорбно, малышка Лив, но вынуждена признать, что этот выскочка прав. Тебе нельзя одной. Ты подвергнешь себя смертельной опасности, а я не хочу терять тебя снова.

Лив злилась из-за их чрезмерной опеки, ее раздражало, что они указывают ей, что делать и как жить, но... она всю жизнь была одна, мечтая о семье. И вот теперь у нее есть семья... И куча сопутствующих проблем. Но она вдруг испытала внутри себя невероятное новое чувство, замещающее постоянный гнев и раздражение... Это была тихая радость... Радость, что есть люди, которым она небезразлична, которые заботятся о ней... И ей было так приятно... Но...

– Нет, нет и еще раз нет! – холодно и властно проговорила она. Все-таки они слишком тесно соединяли ее с отцом и его мафиозной жизнью и деятельностью. А она привыкла самой о себе заботиться.

Джесси нахмурилась, а Джонни ярко и притягательно улыбнулся, продемонстрировав потрясающие ямочки, сияя веселым, но мужественным обаянием, как будто вместо фразы Лив он слышал: «Да, да и еще раз да!».

Глава 6

Прошла неделя.

Лив вошла в свой трастовый фонд, как и планировала. И сняла простую двухкомнатную квартиру в бедной части нижнего Ист-Сайда, обыкновенную, скромную, но зато расположенную подальше от логова отца и его личных притонов. А еще теперь у нее была своя машина. На одном из авторынков Лив купила «Понтиак Файерберд» 1969 года выпуска, потрясного фиолетового цвета с белым кожаным салоном. Эта машина была прекрасной и относительно недорогой, но когда Лив затормозила на ней около своего пятиэтажного многоквартирного дома, Джонни рассмеялся и заявил:

– Эта старушка прослужит тебе еще полчаса, после чего, Оливка, тебе придется толкать ее на свалку истории... О, нет-нет, сначала на выставку ретро-автомобилей, а уж потом – на свалку.

За это Лив пнула его по коленке и четко указала путь, по которому советовала ему пойти.

И да, Джонни и Джессика жили в одной из комнат ее «огромной» двухкомнатной квартиры. Отвязаться от них она так и не смогла. В начале недели отец все время трезвонил по телефону, требуя, чтобы Лив вернулась в отель, пытаясь убедить ее, что это необходимо для ее блага, и отчаянно ругая за то, что девушка растрясла трастовый фонд, когда у нее есть золотая карта с неограниченным лимитом. Однако вскоре Эйден, видимо, понял, что Лив все равно сделает все по-своему, и перестал звонить ей, теперь обо всем узнавая от Джессики и приставив к их квартире усиленную охрану.

Оливия намеревалась найти себе работу и жить, как миллионы обычных ньюйоркцев, но ее мечтам не суждено было сбыться.

Первая проблема обнаружилась прямо у нее под носом.

Через неделю после переезда девушка вдруг услышала странный разговор Джессики и Джонни.

Был поздний вечер, и Лив расстилала постель, готовясь лечь спать. Она уже переоделась в милую голубую пижамку, состоящую из маечки с белыми кругами и коротеньких шортиков, и собиралась попробовать расчесать свои длинные, непослушные и ужасно густые локоны, как вдруг за дверью раздались тихие, но гневные голоса.

Лив догадалась, что Джесси и Джонни спорят, но ссоры – неотъемлемая часть любых отношений, и она не обращала внимания, стараясь не слушать... Как вдруг мелькнуло ее имя.

Лив нахмурилась и, сама того не замечая, приблизилась к двери, как загипнотизированная, и слегка ее приоткрыла. Джесси и Джонни стояли друг напротив друга с разгневанными лицами. Джесси была уже в ночной сорочке, а Джонни – все еще в футболке и джинсах. Сложив руки на груди, он пристально смотрел на Джесс, очевидно сильно злясь. Лив еще никогда

его таким не видела и поразились, но... она ведь не знала, каким он может быть, особенно выполняя поручения отца.

– ...да как ты можешь отрицать это, Джонни??? – стараясь говорить тише, кричала Джесси. – Ты повсюду таскаешься за ней! Ты уделяешь ей больше внимания, чем мне! Ты вечно балуешь ее, стараешься ей угодить! Скажи честно, Джонни, – выдохнула Джесси со страдальческим лицом. – Лив тебе нравится?

Лив замерла на месте, дико покраснев от шока и смущения. Она посмотрела на Джонни. Тот всплеснул руками и раздраженно воскликнул:

– Да что за чушь, Джесси?? Ты просто ревнуешь, но это же смешно! Она твоя сестра, и если о ней в ее жизни хоть кто-то заботится, то это не означает, что между нами что-то есть!

Джесси вдруг начала плакать.

– Но ты так на нее смотришь... Джонни, мы были бы вместе, если бы мой отец не заключил с твоим сделку на этот брак?

Джонни покачал головой и усмехнулся.

– Милая, перестань, прекрати. Ты так думаешь только из-за ревности, но для нее нет оснований. Как бы я ни смотрел на Оливку, это еще совершенно ничего не значит. Я люблю тебя, и ты знаешь это.

Лив вздрогнула, и ей стало немножко горько... Но она тряхнула головой и очнулась. Что творится с ее сестрой? Она причиняет ей боль?

Джесси плакала, опустившись на кровать, и, гневно посмотрев на Джонни сверкающими от боли глазами, шепотом проговорила:

– Ты врешь, и мы оба это знаем...

Лив не выдержала и вошла в комнату, не дав Джонни разразиться гневной тирадой. Ее сердце гулко билось, когда она смотрела в удивленные, но все еще злые глаза ребят, и она, с трудом взяв себя под контроль, жестко проговорила:

– Джесси, можно с тобой поговорить?

Джонни внимательно посмотрел на Лив, чуть прищурившись, затем молча схватил куртку и вышел из квартиры.

Джесси попыталась вытереть слезы и смотрела в пол, когда Лив присела рядом с ней на край кровати.

– Джесс, прости, что подслушала. – начала Лив, все больше и больше приобретая уверенность с каждой фразой. – Но ты зря поругалась с Джонни из-за меня. Он всегда был и будет твоим, а твои обвинения... Возможно, ты права, и он проводит со мной слишком много времени, но это только из любопытства, поверь! Ему интересно узнать, какой я выросла, он помнил меня только маленькой девочкой.

Лив не умела говорить таких речей и ужасно замялась, совершенно не зная, как положено утешать в таких ситуациях, тем более, что дело касалось отношений, и она совсем не понимала, как далеко может заходить. Джесси перестала плакать и мрачно уставилась на нее.

– Ну хочешь, я буду разговаривать с ним раз в неделю и только в твоём присутствии, чтобы ты поняла, что мы с этим эгоистичным и самовлюбленным засранцем только хорошие знакомые, даже не друзья, ведь друзья иногда тепло общаются, ну а у нас будут вежливые и прохладные отно...

– Лив. – остановила ее Джесси и вдруг взяла за руку. Лив была так растеряна этим разговором, что даже не попыталась отнять ее. – Нет, конечно, я не хочу, чтобы ты перестала с ним общаться! Ты тут ни при чем, это он не умеет себя контролировать... Вот всегда он так! – Джесси снова начала злиться. – Любая симпатичная женщина для него, как катализатор, он сразу включает все свое обаяние, чтобы очаровать, влюбить в себя... Наверное, мне просто не хватает уверенности в себе, раз я ревную его так сильно...

Лив вздохнула, искренне желая помочь, но совершенно не зная, что ей еще сказать. Задумавшись, она осторожно начала:

– Джесси, ты просто... сильно любишь его и это нормально... наверное. Я совершенно ничего не смыслю в отношениях, если только это не ссоры с соседкой по комнате о том, какие обои нужно наклеить следующими, но... Мне кажется, что он бы не женился на тебе, если бы не любил. И если бы ему хотелось променять тебя на кого-то другого, то он вряд ли пытался бы сохранить ваши отношения...

Джесс вдруг улыбнулась и вытерла слезы.

– Ты права, сестричка. Я люблю создать проблему там, где ее нет и просто... позавидовала, что он так легко общается с тобой и ему это нравится. Но он прав. Тебе, а не мне, нужна поддержка. Ты всю жизнь была одна... Ты не знала горькой правды о маме... Тебя хотят выдать замуж за прославленного сексуального маньяка... Так что...

– Мне не нужна помощь, Джесси. – спокойно и уверенно заявила Лив. – Я привыкла справляться сама со всем идиотизмом, который случается в моей жизни. Я была одна – и привыкла к этому, я узнала правду о маме... Что ж, наконец-то мне открыли глаза на то, почему ее убили, но от этого любить ее меньше или скучать по ней я не стала. А что касается маньяка... Это в его жизни начнется кошмарный ад, так что пожалей лучше его. Так что бросай распускать сопли и позвони Джонни.

Джесси рассмеялась и глубоко вздохнула. Лив увидела, как в ее глазах мелькнуло облегчение и даже радость, и выдохнула.

– Малышка Лив, прости, что подозревала вас, я такая глупая! – воскликнула она. – Можно я тебя обниму?

Лив ухмыльнулась и, сложив руки на груди, отодвинулась:

– Ни за что на свете! Ты знаешь правила.

– Ну Лив...

– Нет, все, перестань! Позвони своему жениху и обними лучше его, а я... – Лив вдруг подумала, что совершенно не хочет спать. А я поеду в «Аквамарин». Не буду мешать вам мириться! – бодро заявила она и умчалась переодеваться в свою комнату.

Через полчаса ее волосы, наконец, были причесаны и пышными локонами падали ей на спину и грудь, на лице красовался вечерний макияж, а маленькую, стройную фигурку украшал удлиненный, закрывающий попу, свободный топ, завязывающийся на шее, и обтягивающие ее стройные ноги декоративно драные джинсы. Завершали образ черные замшевые туфли на высоком каблучке.

Выйдя из комнаты, Лив увидела Джесси, сидящую в той же, что и полчаса назад, позе на кровати и отчаянно и даже как-то обреченно смотрящую на свой мобильник.

– Джесс? – спросила с удивлением Лив.

– Не могу до него дозвониться... С ним же ничего не случилось?... Или он просто не хочет со мной говорить...

Лив выдохнула.

– Ты опять? Прекрати или я тебе врежу, честное слово! Не паникуй, если через пару часов не объявится, позвони папаше, он ради тебя шею себе свернет. – проговорила она жестким, непререкаемым тоном и добавила:

– Хочешь поехать со мной?

– Нет, Оливка... Только возьми охрану, хорошо? – рассеяно проговорила Джесси, и когда Лив выходила, то слышала, как она снова набирает его номер.

Через 15 минут «Кадиллак» с неизменными Бобби и Ларри подъехал на многолюдную стоянку перед баром. Народу, как всегда, было много, и Лив, в сопровождении жутко раздражающей охраны, зашла внутрь.

От удивления ее глаза расширились: этот чокнутый брюнетик Джонни уже спокойно носился за барной стойкой в своей традиционной одежде бармена и как ни в чем не бывало окружал своим невероятным обаянием и огнем кучкующихся девушек, прилипших к стойке, как лента скотча.

Вспыхнув от ярости, Лив уверенно прошагала на высоченных каблуках к стойке и, грубо спихнув какую-то млеющую от милой улыбки красавчика бармена брюнетку, воскликнула, потихоньку ощущая, как уровень гнева в ней растет:

– Черт бы меня побрал, Джонни, я надеюсь, у меня галлюцинации, и ты не стоишь здесь прямо передо мной весь такой напыщенный, как бирюзовый индюк, в своей барменской одежде, потому что в противном случае я перелезу через эту стойку, воткну свой невообразимо высокий каблук в твою пятую точку и лично вытащу тебя за шкуру из этого заведения, отправив домой к свихнувшейся от осознания отсутствия тебя Джесси!!!

Пока Лив толкала свою речь, Джонни постепенно справился с удивлением, охватившим его, когда он увидел Лив в баре, и теперь огненно улыбался, оглядывая девушку страстным взглядом с головы до ног, сияя ярче рождественской гирлянды.

– Я бы с удовольствием позволил тебе, Оливка, сделать со мной все это, но, к сожалению, я останусь здесь до утра, потому что Тони, другой бармен, уже ушел и, наверное, видит десятый сон... А что ты здесь делаешь? Насколько я помню, на тебе была такая сексуальная голубая пижамка, когда я уходил... – он снова огненно прошелся по телу Лив ласкающим взглядом, явно представляя ту самую пижамку, и Лив, снова почувствовав жуткое неудобство, быстро проговорила:

– Вот поэтому Джесс злится на тебя, кретин! Ты что, не можешь без этого, да?

Джонни ухмыльнулся и, наклонившись к Лив и обдав ее ароматом своего потрясающего одеколона, горячо шепнул ей так, будто она не понимала очевидного:

– Ну конечно не могу, малышка Лив! Ты же такая сладкая, я не могу устоять перед тобой...

Лив разозлилась так, что шкала в ее гнeвомометре прыгнула далеко за отметку 12 баллов. Она бросилась животом на стойку, схватив хохочущего Джонни за руку и гневно проговорила:

– Беги, Джонни, ох как я тебе сейчас отвечаю...

Джонни смеялся невероятно весело и, перехватив Лив поперек туловища, он легко, словно какую-то пушинку, посадил ее обратно на стул со словами:

– Я пошутил, Оливка, не сердись! Ой, какая ты грозная... – протянул он, заглянув в глаза девушки своими игривыми зелеными глазами. Лив действительно разрывало от желания убить его, а он мило и виновато улыбался. – Ну прости! Смотри, что у меня есть...

Он порылся в кармане и достал горсть клубничных леденцов, высыпав их на стойку перед удивленной и мгновенно остывшей Лив.

– Одними конфетками не отделаешься, придурок. Налей мне бурбон и оставь бутылку. Джонни весело улыбался.

– Для тебя все, что угодно, малышка Лив!

Он поставил перед ней большой бокал на короткой, тонкой ножке и, налив в него напиток, оставил рядом бутылку. Лив глотнула и, сморщившись, тут же сунула в рот конфетку. Так оказалось вкуснее.

– Ты хоть понимаешь, что Джесси думает, будто тебя расчленили и бросили гнить в канаве? Ответь ей немедленно! – жестко приказала Лив властным голосом, и Джонни игриво улыбнулся:

– Она в самом деле так думает? Ладно, напишу ей смс.

Он достал телефон и, набирая текст, нахмурился. Лив догадалась, о чем он думает.

– Я обещала ей не общаться с тобой, а теперь она узнает, что мы оба в «Аквамарине»! Accidenti! Abbiamo appena le cose si avviano... («Черт! У нас только стало все налаживаться...» – с итал.)

Джонни, против обыкновения, не обратил внимания на ее итальянский, а нахмурено и возмущенно воскликнул:

– Что ты ей пообещала??? Оливка, это наши отношения, и я их улажу, она не имеет права требовать от тебя каких-то жертв!

– Это не она, а я так решила. – отпивая из бокала, заявила Лив. Джонни закатил глаза.

– Ну конечно. Она бы так не поступила, я знаю. Я хотел тебе намекнуть, что взрослые люди решают свои проблемы сами, не требуя вмешательства со стороны кого бы то ни было... Ты понимаешь, о чем я?

Лив ухмыльнулась.

– Нет, я совсем безмозглая. Но все-таки ты зря ушел. Ты ей нужен.

Джонни пожал плечами.

– Я вернусь утром. К этому времени она устанет думать и будет снова милой Джесси, которую я люблю.

Лив ухмыльнулась, и Джонни отошел к другим клиентам.

Последующие сорок минут Лив ждала потрясающий торт от «любимого» шефа под названием «Эстерхази» (когда Эндрю «пончик» узнал, что она здесь, он бросил все свои дела, чтобы лично приготовить ей десерт с надписью: «Для мисс Оливии – моей дорогой конфеточки!») и десять минут с наслаждением уплетала шедевр, пока...

Двери отворились, и Лив физически ощутила что-то неладное... У барной стойки стало как-то пусто, все девушки испарились, а в зале вдруг как будто кто-то убавил звук: посетители стали говорить тихо или шепотом.

– Так-так... Кто тут у нас? Моя чудесная невеста... Я знал, что ты здесь. – услышала Лив ненавистный голос позади себя и обернулась.

Блейк Уолш собственной белобрысой персоной стоял над ней, сунув руки в карманы дорогих брюк, в великолепной футболке и черном пиджаке. На его руке блестел золотой «Ролекс», а на ногах красовались дорогие туфли фирмы «GY». Лив знала, что это сеть фирменных бутиков обуви его отца (и это понятно из названия), которые прикрывают незаконное производство амфетамина, но сейчас этот хорошо одетый маньяк стоял слишком близко и слишком плотоядно оглядывал Лив горящим взглядом ледяных, надменных глаз, чуть искривив рот в презрительной усмешке.

Позади него стояла его охрана в дорогих серых костюмах и ботинках с гравировкой «GY» на подошвах, возвышаясь над ним и придавая ему некое устрашение.

Но Лив почувствовала себя в своей стихии и язвительно улыbnулась, испепеляюще глядя на Блейка:

– А, ушлепок Блейк! Вот так сюрприз! Как поживает старый хрыч? Это он подослал тебя спросить, как у меня дела? Потому что ты выглядишь настолько не половозрелым, что вряд ли твоя головушка сама сообразила за мной проследить.

Блейк еще шире улыbnулся и, наклонив голову, подошел еще ближе к Лив, совсем сокращая дистанцию. В его глазах заплескались искры гнева и какой-то ненормальной, страстной похоти.

– Скажешь мне это, когда будешь лежать в моей постели, детка... А в принципе... я могу доказать тебе свою зрелость прямо сейчас, на этой барной стойке... – он так близко наклонился к ней, что Лив чувствовала тонкий запах его одеколона и невероятную дрожь омерзения, охватившую ее. Но она держала взгляд, не позволяя ему усомниться в ее храбрости. – А впрочем... У тебя такой грязный язычок... Можно было бы сначала попросить моих ребят раздеть тебя догола и, продемонстрировав посетителям твои великолепные формы, позволить

каждому расписаться на тебе моим семейным ножичком, прежде чем я окончательно завладею тобой...

Лив ощутила опасность и, увидев блеск безумия в его глазах, поняла, что он действительно может это сделать. На помощь девушке пришел ее гнев и невероятная злость, что кто-то угрожает ей...

– О, да из какой психиатрической больницы ты сбежал, ушлепок? Надо туда позвонить, а то они, наверное, волнуются, как же, никто вот уже несколько дней не расчленил лягушек у них на заднем дворе! А теперь отойди от меня на метр, грязный извращенец, и не смей даже говорить со мной, а лучше просто проваливай, пока я не унизила твое и без того мизерное достоинство! – жестко и гневно, но с милой, торжествующей улыбкой проговорила Лив и отвернулась к бару, взявшись за свой бокал.

Его взгляд обжигал своей сокрушительной злостью, Лив ощущала, как вибрирует его задетое эго, и понимала, что он реально опасен и безумен... Но она не собиралась бояться его.

Дыхание обожгло ей шею, и его рука легла на стойку рядом с ее локтем. Блейк стоял прямо позади нее и, наклонившись, яростно, но тихо проговорил:

– Позволь, я тебе кое-что объясню, тупая шлюшка: я всегда получаю то, что хочу, и если я хочу тебя прямо сейчас, то мне плевать на то, сколько здесь народу и как это будет выглядеть, потому что из-за страха к моему папаше они не проронят ни слова... А если ты будешь сопротивляться, то мне придется применить силу, но ты ведь этого не хочешь, правда?

Лив чувствовала тошноту и дику, удушающую злобу, внутри нее все кипело, и мозг постепенно стало срывать с тормозов. Она открыла рот, чтобы отправить этого ублюдка куда подальше, но ее опередил Джонни, откуда ни возьмись, моментально появившись перед Лив. Девушка еще никогда не видела его таким злым и серьезным, он пристально, по-мужски, смотрел на Блейка испепеляющим взглядом и угрожающе проговорил, сложив руки на груди:

– Отойди от нее, Блейк. Сейчас же.

Блейк перевел бешеный взгляд на Джонни и презрительно скривился, облизав губы.

– О, да это же Джонни О-Коннел собственной персоной! Малыш, если ты сейчас убережешь отсюда свою задницу, то я, может быть, не скажу твоему папочке Оливеру, как ты отмываешь ворованные из банков деньги через его рестораны.

Джонни чуть прищурился и весело расхохотался.

– Да неужели?! Ты такой всезнайка, Блейк, а Генри Уолш такой же? Ты унаследовал эту черту от него? Или он в курсе, *что именно* ты делаешь с девочками из его (да и не только его) борделей и куда они потом исчезают? Мне даже не придется тратить деньги на телефонный звонок! – Джонни торжествующе улыбался, а затем серьезно добавил, с нотками холодного превосходства в голосе:

– А теперь отвали от нее. Бобби, Ларри – пока не нужно. – сказал он поверх плеча Лив и девушка, обернувшись, обнаружила, что они наставили пистолеты в спину Блейку, а его охрана, в свою очередь, держала на мушке их.

Блейк безумно хохотнул и сверкнул на Джонни глазами:

– Полегче, О-Коннел. Ты же не хочешь начать войну между кланами? Вендетта – такое утомительное занятие...

Джонни хотел ответить, но Лив его остановила:

– Все в порядке, Джонни, я справлюсь. С моей семьей он войну не начнет, так что можешь не защищать меня.

– Глупышка Лив. – тихо, с усмешкой проговорил Джонни, но остался стоять на том же месте.

Рука Блейка приблизилась к локтю Лив, и он прошептал ей на ухо:

– Ты так сексуально пахнешь... Хочу обнюхать тебя везде...

– Последнее предупреждение, Блейк! – прошипела Лив. – Отвали!

Но Блейк вдруг резко и больно схватил ее за запястье и попытался развернуть к себе лицом, и в эту минуту Лив полностью отключила адекватность, ощущая только бешеный, горящий во всем ее теле, гнев. Она резко схватила бокал и, размахнувшись, ударила им об барную стойку. Бокал разлетелся вдребезги, а в руке девушки осталась лишь его стеклянная ножка. Лив с силой сбросила руку опешившего от нападения Блейка и, схватив ее, мощно прижав ладонь к барной стойке, со всего размаху всадила осколок ножки бокала в тыльную сторону его ладони.

Блейк закричал и отшатнулся к руке, но Лив еще находилась в своем сумасшедшем безумии. Она в ту же секунду легко спрыгнула со своего стула и, схватив его, раскрутила вокруг себя и обрушила прямо на голову совсем ошарашенному Блейку, послав его в шикарный тайм-аут.

Увидев распростертое на полу тело мерзкого блондинчика, стонущего и извергающего проклятья и, заодно, прижимающего кровавые ладони к голове, Лив испытала триумф и резко остыла.

Она наклонилась к нему с милой улыбкой и услышала сзади дикий хохот Джонни и его обаятельный голос:

– Оливка, ты в порядке? Это было шикарно!!!Ха-ха-ха...

Блейк с трудом отнял руки от головы, на которой уже расплывалась гематома от удара, занимая макушку и половину лица своим фиолетовым окрасом, и, посмотрев на свою кровавую руку с обломком бокала, торчащим из нее, прошелестел:

– Я тебе это так не оставляю... Я превращу твою жизнь в ад, мерзкая шалава... Ты будешь умолять меня не делать с тобой то, что я собираюсь сделать...

Лив расхохоталась и проговорила:

– Ой-ой, уже страшно! Кажется, Блейк, ты тут где-то выронил остатки мозгов после падения... – она выпрямилась и посмотрела на его охранников, которые стояли в опасной близости от нее, ожидая указаний Блейка, а Бобби и Ларри держали их на мушке. – Эй вы, баобабы! Не можете найти? Они должны быть где-то здесь... – Лив театрально оглядела пол и вдруг услышала невероятно brutальный и немного насмешливый мужской голос:

– Не напрягай свои чудесные глазки, белоснежка, без лупы их тут все равно не найти.

Лив подняла глаза... и, кажется, ее сердце остановилось. Перед ней стоял высокий юноша, от которого просто невозможно было отвести глаз... Лив никогда в жизни не испытывала ничего подобного, и что вытворяло ее сердце!

Он был невероятно красив. На нем был черный модный костюм и белая рубашка, расстегнутая на верхние пуговицы, ослабленный темно-синий галстук и потрясающие дорогие туфли с символом «GY» на шнуровке. Но его великолепную фигуру идеального сложения не смог бы скрыть даже толстый и отвратительный заячий тулуп. У него были черные, как ночь, чуть волнистые волосы, спускающиеся на затылок по шее, темные брови и невероятные синие глаза, которые излучали одновременно и мужество, и уверенность, и фантастическую, притягивающую сексуальность и обаяние. Лив ощущала волну невероятной страсти, исходившую от него, но в отличие от Джонни, чья аура сияла веселой легкостью и горячим притяжением, энергия этого парня была до ужаса самоуверенной и наглой, раскованной и brutальной, как будто кто-то пытался создать прекрасный магнит для женщин.

Оглядывая Лив с ног до головы своим откровенным, обжигающим взглядом, юноша красиво и невероятно притягательно улыбнулся и проговорил, сунув руки в карманы брюк:

– Потрясный удар! А с виду такая хрупкая и нежная...

Блейк медленно пытался встать, все еще бормоча с лютой ненавистью:

– Я тебя убью, уничтожу, растопчу... Ты будешь умолять на коленях...

Но Лив уже усаживалась на соседний стул, отвернувшись от всех и с совершенно непроницаемым и невозмутимым видом разворачивая фантик с конфеткой. На самом деле она

должна была успокоиться от всего, что произошло за последние пять минут, но даже сумасшедший удар сына мафиозной семьи не сумел затмить впечатление, произведенное на нее этим юношей... Ей вдруг стало ужасно не по себе, и она поспешила сунуть в рот леденец и тихонько вздохнуть.

Юноша, между тем, весело улыбаясь, продолжал, глядя на Блейка:

– Блейк, Блейк, Блейк... Наконец-то нашлась девушка, которая не побоялась надрать тебе задницу... Это что, осколок бокала в твоей руке?

– Исчезни, Макс... Или моя охрана тебя выставит... – прошипел, пыхтя от гнева, Блейк.

Лив не удержалась и снова посмотрела на юношу. Он чертовски притягивал ее, и она хотела это прекратить, но... Макс... Красивое имя! Черт, черт!

А Макс, там временем, насмехаясь над Блейком, спокойно и развязно уселся за барную стойку и уже здоровался за руку с Джонни, который бросал на Блейка ненавистный взгляд и изредка встревоженно поглядывал на Лив.

Макс скептически усмехнулся и покачал головой:

– Ты прекрасно знаешь, что они этого не сделают. Тем более... – он повернулся и посмотрел на охранников, пышущих злобой, но все еще не позволяющих Бобби и Ларри приблизиться к Блейку ни на сантиметр. – Они сейчас немного заняты.

Лив обернулась и махнула рукой:

– Эй, громилы! Идите уже за свой столик, а то выбросы тестостерона портят воздух. И публика вон как напряглась.

Лив окинула взглядом притихших и расползшихся по углам посетителей и снова с нажимом посмотрела на Бобби и Ларри.

– Вы уверены, мисс...

– Черт возьми! – прервала Бобби Лив и те, опустив оружие, ушли, куда сказано.

Блейк наклонился к Лив, опустив около нее руку с кровоточащей раной, и, уставившись на девушку сумасшедшим, заплывающим от синяка, глазом, процедил:

– Мы еще не закончили, девка...

Лив, прищурившись, с вызовом посмотрела на него:

– О, это точно, ушлепок!

Блейк стиснул зубы от сверкающего гнева и, бросив испепеляющий взгляд на Макса, с интересом и озорным огоньком разглядывающего Лив, прошипел своим людям:

– Уходим. – и, гордо подняв ушибленную голову, удалился.

В баре тут же возобновился шум, люди стали оживленно обсуждать случившееся, и Лив обрывочно слышала, как одни восторгались ею, а другие считали, что она больше не жилец на этом свете. Но ей было безразлично. Она посмотрела на Джонни, переглядывающегося с Максом и смотрящего на нее с вопросительной, ошеломленной улыбкой, и спокойно проговорила:

– Извини за бокал и стул, Джонни. Если я за все заплачу, ты же не занесешь меня в черный список, правда?

Джонни расхохотался.

– Оливка, если ты каждый раз будешь устраивать такие представления, то клянусь, я разрешу тебе громить всю мебель в этом баре до тех пор, пока Эндрю меня не уволит.

Лив улыбнулась и попросила новый бокал.

Макс сел рядом с ней и она физически ощущала его горячий, ласкающий тело, взгляд на себе. Стараясь оставаться собой, она раздраженно посмотрела на него, сражаясь его притягательной мужской энергетикой и ясными синими глазами, и проговорила:

– Дай мне время передохнуть, Франкенштейн. На создание плана по уничтожению тебя мне потребуется хотя бы пять минут.

Макс расхохотался и посмотрел на Джонни, который с улыбкой ставил перед ним бутылку виски, и очаровательно проговорил:

– Франкенштейн? Джонни, дружище, она мне нравится! Думаешь, она согласится пойти со мной на свидание?

Лив фыркнула, а Джонни горячо рассмеялся:

– Макс, оставь ее, это не твоя песня. Она тебе не по зубам, а даже если бы и была, ты все равно никогда ее не получишь.

Макс же, проигнорировав слова Джонни, снова уставился на Лив своим жгучим взглядом и притягательно улыбнулся:

– А почему Франкенштейн? Я что, пугаю тебя? – горячо прошептал он, наклонившись к плечу Лив, и та ощутила, как ее кровь быстрее понеслась по телу. Сохраняя самообладание, она посмотрела на него язвительным взглядом и усмехнулась:

– Ну да, ты гораздо страшнее этого омерзительного ушлепка Блейка Уолша! Да потому что ты здоровый, дубина, так что не обольщайся.

Джонни снова захохотал, а Макс мило улыбнулся, подняв брови:

– Я не здоровый, это ты маленькая, такая милая малышка... Так ты согласна на свидание?

– O dio! Cosa devo fare per questo deficiente di evaporare? – шепотом произнесла Лив и посмотрела на Джонни. («Боже! Что мне сделать, чтобы этот придурок испарился?» – с итал.)

Джонни сочувственно улыбнулся и игриво подмигнул ей:

– Не хочу тебя огорчать, Оливка, но этот придурок тебя понимает.

Лив шокировано посмотрела на красавца Макса, который с веселым задором смотрел на нее, попивая виски. Он улыбнулся и, горячо оглядев Лив, проговорил:

– Ты чертовски сексуально говоришь по-итальянски! А можешь послать меня еще раз?

И они с Джонни ударили по рукам. Лив раздраженно промолчала, и Джонни проговорил:

– Макс, еще раз предупреждаю, тормози! Эту девочку зовут Оливия Мартинес, она – младшая дочка Эйдена Мартинеса и по совместительству – невеста этого ублюдка Блейка.

Макс удивленно вытаращил свои красивые синие глаза на Лив и проговорил:

– Черт бы меня побрал, в самом деле? Так это о тебе грезил Блейк день и ночь всю неделю, после того, как вернулся с той сходки?

Теперь был черед Лив удивляться.

– А ты откуда знаешь о той сходке?? Это закрытая информация! Джонни растрепал, да? Макс рассмеялся.

– Позволь представиться – Макс Вератти, американец итальянского происхождения и консьюери Генри Уолша.

Лив ошарашено уставилась на него.

– Ты, павлин, личный советник мафиозного главаря? А ты не слишком молод для этого? Или хорошо сохранился?

Макс снова обаятельно расхохотался и игриво и очень страстно подмигнул Лив:

– А ты милая! Просто чудо. Обсудим это на нашем свидании? Обещаю, что не буду подходить к тебе сзади и хватать за руки.

Лив закатила глаза, но внутри нее происходило что-то катастрофически ужасное... то есть невероятно приятное, чего она ой как не хотела допускать...

– Ты что, оглох, франкенштейн? Даже не мечтай! – язвительно ответила она и сунула в рот очередную конфетку, запив ее бурбоном.

Джонни и Макс одинаково удивленно посмотрели на это ее действие, но промолчали, правда уже через секунду Джонни проговорил:

– Макс, ты мой лучший друг, но я вынужден спросить: ты сошел с ума? Она невеста Блейка... и это как бы взаправду! – как будто глупому маленькому мальчишке объяснил Джонни.

Макс беспечно усмехнулся и пожал плечами.

– Можно, конечно, предупредить Блейка, что я собираюсь увести его девушку, но вообще-то, если честно, я не собирался ему говорить. А ты? – хитро и весело спросил он, посмотрев на Лив.

Лив смерила его презрительным взглядом и поморщилась.

– Джонни, этот павлин мне надоел, мы не можем его выставить отсюда?

Джонни сияюще улыбнулся и сокрушительно покачал головой:

– К сожалению, нет, Оливка, он мой лучший друг, да и к тому же еще ничего не выкинул... Не считая дурацких слов, вылетевших из его рта.

Макс весело расхохотался и, совершенно не обидевшись, ответил:

– Ты мне льстишь, приятель. Мои слова – они не просто дурацкие, они супер-пупер-экстра-мега-гига-дурацкие!

Лив зевнула (демонстративно) и встала:

– Так все, я еду домой. Джонни, дай-ка мне еще бурбон... и мартини пару бутылок для Джесси. Думаю, она перестанет убиваться по тебе, когда я расскажу ей, что со мной сегодня было.

Макс тоже встал, возвышаясь над Лив на добрых полторы головы, и, излучая невероятную мужскую брутальность, оглядел девушку своим горячим, желанным взглядом. Лив взяла бутылки и грозно посмотрела на него, заметив, что он собирается что-то сказать:

– Только попробуй увязаться за мной, франкенштейн, иначе я поставлю тебе парочку таких шикарных фингалов под глазки, что очки на какое-то время станут не нужны.

Макс триумфально и горячо улыбнулся и, наклонившись к Лив, страстно прошептал ей на ушко:

– Ты можешь делать со мной все, что угодно, белоснежка.

Лив почувствовала, как ее кровь бешено помчалась по телу, а пульс подскочил до двухсот ударов в минуту... Но она нашла в себе силы с раздражением и вызовом посмотреть на него и спокойно проговорить:

– Пока, Джонни. Увидимся дома.

Джонни ухмыльнулся и весело ответил все еще глядящей на Макса Лив:

– Пока, малышка Лив!

И Лив двинулась к дверям, ощущая, как они оба прожигают ее фигуру оценивающими взглядами. Уже у дверей Лив обернулась и, триумфально посмотрев на Макса, позвенела ключами от машины, неизвестно как взявшимися в ее руке.

– Эй, павлин, твои ключики? – она кинула их ему через все помещение, и Макс легко поймал, ухмыляясь. – Говорила же, не подходи близко!

И, посмотрев в его игривые синие глаза, сияющие восторгом, удивлением и весельем, она удалилась, чувствуя, как сильно бьется ее сердце.

Глава 7

С того вечера прошло два дня. Все это время Лив была сама не своя, сходя с ума от того, что не могла забыть этого сексуального красавца Макса и навсегда выкинуть его из головы. Кроме того, Макс сам не давал забыть о себе, раздобыв номер ее телефона и атакуя смс-ками либо пикантного характера, заставляющие Лив густо краснеть и чаще дышать, либо с приглашениями на свидания. Оливию так и подмывало согласиться, сердце кричало: «Да! Да!», а разум закрывался, предупредительно размахивая руками и напоминая, что ей не нужны серьезные отношения, да и несерьезные тоже. А Лив была уверена, что она всего лишь очередная игрушка в его коробке, тем более наслушавшись рассказов о его похождениях от хихикающей Джесси.

Это был обыкновенный вечер. Джесси и Лив вяло ползали по квартире, собираясь ложиться спать. Джонни был на смене в баре, так что девушки спокойно расхаживали в ноч-

ных сорочках: на Джесс была черная шелковая сорочка с кружевной отделкой и разрезом на бедре, а на Лив – красная полупрозрачная комбинация с расшитым кружевным лифом сверху и аккуратно отделанным рюшечками низом, достаточно короткая, чтобы открывать ее милые, стройные ножки, и довольно прозрачная, чтобы при желании можно было бы увидеть еще и белье.

Джесси стелила постель, а Лив пыталась причесать свою шикарную белокурую гриву, стоя перед зеркалом. Телефон на ее тумбочке замигал. Лив довольно улыбнулась и поскорее открыла смс:

«Если ты пойдешь со мной на свидание, обещаю сохранять дистанцию в метр, как ты мечтаешь!»

Лив покраснела и улыбнулась.

«А еще я мечтаю, чтобы ты на меня не пялился. Сможешь выполнить, фrankenштейн?»

Телефон незамедлительно мигнул.

«Это вряд ли. Но я знаю, что тебе это нравится. Так зачем лишать себя удовольствия?»

Лив разозлилась. Неужели этот парень видит ее насквозь?

«В сотый раз говорю – отвянь, павлин!»

«Я прямо вижу, как ты это говоришь... Чертовски сексуально! В сотый раз отвечаю – идем на свидание и я отвяну... Только ты этого сама не захочешь!»

Лив прищурилась и раздраженно написала:

«Мне кажется, эгоистичный, самовлюбленный прилипала, что тебе нужно сходить на свидание с самим собой. Из вас бы получилась отличная пара! И не пиши мне больше, я сплю!»

Но телефон снова мигнул:

«И все-таки я тебе нравлюсь, Оливия Мартинес... Ты скоро сломаешься, обещаю! Спокойной ночи, белоснежка, целую твои прекрасные ножки!»

Лив разгневалась, но понимала, что этот парень действительно прочно засел в ее мозгах и чувствах... Вон как кровь кипит, а сердце долбит прямо в уши, а ведь это только смс...

Лив не заметила, как прижала телефон к груди, замечтавшись и улетев в свои мысли...

Как вдруг в подъезде послышались крики и стрельба. Лив швырнула телефон и вылетела из комнаты. В прихожей, перед входной дверью, она столкнулась с Джессикой. Ее глаза были расширены от удивления и испуга. Лив понадеялась, что она сама выглядит не так растерянно и уязвимо.

– Что происходит, Джесс? – крикнула она, заглушая шум стрельбы и крики за дверью.

Джесс покачала головой, замороженно глядя на дверь, но тут же очнулась и схватила Лив за плечи:

– Нужно бежать, Лив! Сейчас!

И в этот момент дверь с грохотом отлетела, и на пороге возникли четверо мужчин в кожаных куртках с капюшонами, джинсах и ботинках. Их лица были закрыты масками, а в руках сверкали револьверы. Они одинаково ослабились, и один из них проговорил:

– Ну привет, милешки... Развлечемся?

И они бросились к девушкам. Лив и Джессика одновременно кинулись в комнату, и Лив бросилась к окну, думая сбежать по пожарной лестнице, которая, как она предполагала, должна находится рядом с их оконным проемом, но тут услышала крик сзади: Джесс бежала за ней и упала, споткнувшись о ножку стула. Двое мужчин набросились на нее, ударяя ее по лицу и зажимая ей рот, чтобы она не кричала, а один из них полез к ней под сорочку. Джесс брыкалась, и из ее глаз покатились слезы. Лив ощутила волну бешеного гнева внутри себя, при этом замечая, как двое других окружают ее с двух сторон, но ее глаза были прикованы только к сестре...

Джесс с трудом посмотрела на нее и из последних сил прохрипела:

– Беги, Лив... Спасайся...

– Ну уж нет. – гневно прошипела Лив и, схватив торшер, стоящий около трюмо рядом с ней, размахнулась и врезала им со всей силы по голове одному из приблизившихся к ней амбалов, тот шатнулся от удара и упал, явно не ожидая нападения.

– Ах ты... – начал было второй, схватив Лив за руку и больно дернув к себе, вжимая пистолет ей в лоб, но Лив не могла позволить себе сейчас бояться... Так она не спасет сестру и себя... Она рванулась от него и упала рядом с мужчиной, которого только что повалила и который, держась за кровоточащую голову, пытался встать. Лив увидела пистолет, который он выронил при падении, и резко схватила его, наведя на второго, наступающего на нее, ублюдка. В ее ушах стоял крик сестры, кровь била в голову, и во всем теле разливалась болезненная пульсация. Мужчина на миг замер, увидев пистолет, и в эту секунду Лив услышала новый надрывный крик и, не глядя, выстрелила, тут же кинув пистолет куда-то в другой конец комнаты и бросившись к сестре.

Краем глаза она увидела, как шатнулся получивший пулю, и услышала громкие и очень нецензурные выражения в свой адрес, но Джесси занимала все ее внимание... Она видела, как один держал ее руки и иногда бил по лицу, ругаясь и крича, чтобы она заткнулась, а второй, с мерзкой ухмылкой сквозь прорезь в маске для рта, рвал на ней сорочку, собираясь совершить самое гадкое преступление против женщины...

Лив бросилась к ней, спотыкаясь об какие-то вещи, и, схватив первый попавшийся стул, швырнула в мерзавца, бьющего Джесси, но он только отмахнулся, и в этот момент две сильные и грубые руки обхватили Лив поперек туловища и, крепко и больно сжимая, зажали ей рот. Лив забыла о том, кого огрела торшером. Он оклемался.

– Привееет, подружка... Блонди, за то, что ты сделала, я разрешу тебе смотреть, как насилюют твою сестру, а потом ты сможешь лечь рядом, не спеши... – омерзительно прошептал голос ей на ухо, и Лив передернуло от отвращения. Она стала брыкаться сильнее, но на помощь ее мучителю подоспел второй, и Лив с триумфальным злорадством увидела, что он стискивает зубы и держится за кровоточащую ключицу, правда этой же слабой рукой он навел ей в голову пистолет и грязно выругался:

– Держи ее крепче, номер два, она должна как следует помучиться... Шалава мелкая...

Лив бросила на него разъяренный взгляд, однако в ее голове все-таки осело странное прозвище маньяка, удерживающего ее...

И в этот миг произошло что-то страшное.

Джесси изловчилась и, собрав последние силы, лягнула мразь, пытающуюся ее изнасиловать, ногой в лицо. Капюшон слетел с его головы, обнажив массивную темно-рыжую шевелюру, и он на мгновение завис... Зависла и Джесси... Она смотрела в его глаза, и Лив видела в ее лице выражение непонимания, отвращения и растерянности... О, да. Она его узнала. Вне всяких сомнений. Лив попыталась прокричать ей что-то, но ее рот был очень грубо зажат, и получился только бессвязный звук, а Джесси, перестав плакать, дрожащим голосом выдавила:

– Ты...?? Но...

Больше она ничего не сказала. Раненный рядом с Лив вдруг резко прогремел гневным и жестким голосом:

– Кончай ее, номер три.

Рыжий как-то растеряно посмотрел на него и тихо сказал:

– Но... Нам не давали указаний убивать...

– Кончай ее!!! – заорал тип рядом с Лив, и девушка вдруг поняла, что сейчас будет...

Мир как будто заполнила белая вата. Беззвучная, тугая, головокружительная... Сердце гулко забило в ушах, и каждую клеточку ее тела пронзила адская боль...

Лицо Джесси, медленно покрывающееся синяками и отеками, дико побледнело... В ее глазах мелькнул невероятный ужас и обреченность, когда она увидела твердый ствол пистолета, нацеленный ей в голову. Она замотала головой, отчаянно зашептав:

– Нет, пожалуйста, пожалуйста, умоляю...

И в эту секунду раздался выстрел. Самый громкий из всех, что слышала Лив в своей жизни...

Джесси безвольно лежала на полу. Из ее головы разливалась лужица крови. Она была мертва.

Лив закричала так, что если бы на других планетах была жизнь, то они бы услышали этот, раздирающий душу, беспомощный крик боли...

Державший ее номер два резко оттолкнул от себя с гневным возмущением:

– Да заткнись ты уже, блонди! Сейчас и до тебя дойдет...

Лив пролетела полкомнаты и упала рядом с телом Джесси. Ее била ужасающая дрожь. Раненный подошел к Джесси и уставился на нее злобным взглядом:

– Надо здесь закончить... Номер два – грохни вторую девку. Она – свидетель, придется и ее убрать.

Номер два немного замешкался.

– Но... номер один... мы и так...

– Ты слышал меня? – рявкнул номер один, держась за раненную ключицу. – Пристрели эту мелкую дрянь, да поживее! Номер три и четыре – помогите с этой девчонкой.

Что они делали с телом Джесс, Лив не видела. На нее надвигался номер два, поднимая по дороге свой пистолет, который Лив ранее так непредусмотрительно выбросила.

Девушка подскочила и бросилась на кухню. Сзади послышались выстрелы и ругательства, и Лив инстинктивно пригнулась. Пули просвистели прямо над ней, и она с трудом выдохнула, но бросилась за обеденный стол, повалив его и пытаясь добраться до столешницы, где находился потрясающий набор ножей.

Видимо, номер два понял, что задумала Лив, потому что в три прыжка нагнал ее и сильным ударом в спину повалил на столешницу. Лив ударилась об нее и упала на пол, увидев, как набор ножей качнулся и, перевернувшись, тоже свалился вниз. Ножи рассыпались по полу. Лив увидела в десяти сантиметрах от себя один из них и резко потянулась, чтобы схватить его, но номер два одной ногой наступил на ее руку, а другой отпихнул ножик куда подальше и, дико разозлившись, со всей силы пнул Лив в живот и, пока девушка сгибалась пополам от невыносимой боли, вцепился ей в волосы и гнусно ухмыльнулся:

– Думала прирезать меня ножичком, блонди? Такая маленькая и такая храбрая... Или просто тупая... – он вдруг гнусно осклабился, разглядывая ее тело под полупрозрачной сорочкой, и Лив ощутила подступившую к горлу тошноту. – Но это не важно... Меня заводят самоотверженные цыпы... Давай скорее покончим с этим, малышка.

Лив попятилась назад, и этот подонок налетел на нее, срывая с нее сорочку и хватая Лив за руки и ноги, которыми девушка отчаянно брыкалась. Он порвал одну лямку на ее комбинации, и та стала неумолимо сползать, а номер два все тянул и тянул вниз ее сорочку...

– Отвали, ублюдок! Я прикончу тебя! – кричала Лив и, неожиданно изловчившись, пнула его ногой в лицо.

Он отлетел и упал, спиной ударившись о столешницу.

Лив бросилась к большому мясному ножу, который валялся в полуметре от нее, но мужчина успел неожиданно схватить и дернуть ее за ногу, и она упала на живот, резко вскрикнув.

– Ах ты... – дальше шел набор ругани, которую просто невозможно воспроизвести вслух приличному человеку.

Он развернул ее и с силой снова и снова стал пинать то в грудь, то в живот и в лицо... Лив захрипела, перед глазами повисла плотная пелена, а боль во всем теле лишала ее рассудка. Она не могла это терпеть, не могла... Скорее бы он убил ее... А он все пинал и пинал, ругая ее самыми гнусными выражениями... Лив постепенно слабела и ощутила, как отключается. Ее хрип становился все тише... И тут он остановился.

Лив с трудом открыла глаза, почти не дыша от боли. Он тяжело дышал, а в его руках был пистолет.

Лив не могла шевелиться. От боли ее тело парализовало. Номер два ухмыльнулся.

– Прощай, блонди. Теперь ты не такая красивая, поэтому убить тебя будет еще проще.

Лив с ненавистью ухмыльнулась, ощутив боль в щеке и прошептала:

– Надеюсь, отец разорвет тебя на мелкие кусочки. Чего ты ждешь? Стреляй, трусливая скотина...

Номер два снял предохранитель, как вдруг из комнаты послышался голос номера один:

– Номер два, ты закончил? Пора уходить.

И номер два совершил роковую ошибку. Он повернулся и посмотрел в сторону комнаты.

В голове Лив за долю секунды зажглась лампочка жизни. Преодолевая смертельную боль, она схватила тот самый нож для мяса и, вскочив, со всего размаху всадила его в грудь номера два. Тот замер и расширенными глазами удивленно посмотрел на Лив, затем на рукоять ножа, торчащую из его груди, и упал замертво лицом вниз.

Лив тяжело вздохнула и, открыв окно на кухне, выглянула вниз. Хм. Третий этаж. Но дом старый, и потому в метре от окна она заметила ржавую пожарную лестницу. Из комнаты снова послышался голос номера один, и Лив, собрав последние остатки сил, прыгнула, до боли вцепившись в ржавое железо, и, поймав равновесие, быстро слезла вниз.

Улица была пустынна, и Лив увидела убитых охранников в машине у подъезда... И ее разбитый «Понтиак». Не теряя времени, она бросилась бежать, пока ее не увидели. Петляя из двора во двор, Лив неслась босиком, в разорванной, полусползшей комбинации, со страшным синяком во всю левую половину лица, гематомой на груди и животе, синяками и ссадинами на руках и ногах...

Выскочив на одну из широких улиц, Лив бросилась к неспешно ползущей мимо такси и, на ходу запрыгнув на заднее сиденье, крикнула ошалелому от ее вида водителю:

– В бар «Аквамарин»! Поживее, дубина, или можешь везти меня сразу в морг.

– Л-леди, вы... с вами все в порядке? – срывающимся голосом спросил таксист.

Лив дрожала от боли и гнева... Она не могла дышать... Не могла думать... Не могла жить... Перед глазами стояла только одна картина – Джесси в луже собственной крови, ее последние слова и номер два с ножом в груди... Но Джесси, Джесси...

Лив истерично захохотала, ощутив, как слезы ручьями полились из ее глаз, и она не могла это остановить...

– Рули, мальчик, и поверь – ты не хочешь этого знать! – хохоча, рыдала она.

Через двадцать минут они подъехали к бару. Было уже около двенадцати часов ночи и бар был полон.

Лив с трудом взяла себя в руки и сказала водителю:

– Спасибо, мальчик. У меня нет денег, но ты подожди пару минут, мой друг бармен сейчас заплатит...

– Не надо. – вдруг тихо и поспешно сказал водитель. – Идите. И... удачи, леди!

Лив снова ощутила поток слез и с трудом улыбнулась. Она ввалилась в бар, закрывая лицо руками, но на нее смотрели все... Джонни улыбался какой-то девушке и беспечно готовил коктейль... Когда воцарилась тишина, прерываемая шепотом, он тоже с удивлением посмотрел на дверь и увидел Лив... Его лицо невероятно побледнело, а глаза расширились от ужаса...

Он перемахнул через стойку и в два счета оказался рядом с Лив, обняв ее за плечи и стремительно уводя в подсобные помещения.

– Тони, подмени меня! – крикнул он кому-то, снова с дикой тревогой посмотрев на рыдающую Лив. – Оливка... Оливка... Боже, что с тобой случилось? Кто это сделал?

Он завел ее на кухню, а затем толкнул дверь в комнату персонала и запер ее изнутри. Снова оглядев девушку невероятно тревожным и жгуче огненным взглядом, наполняющимся

злобой, он схватил свою куртку и накинул на нее, прикрыв ее полуголый изорванный и избитый вид. Лив, почувствовав себя в безопасности, опустила локти на колени и, спрятав лицо в ладони, истерично зарыдала...

Она плакала в первый раз после того, как отец бросил ее одну. Джонни схватил стул и импульсивно плюхнулся напротив, пытаясь оторвать руки Лив от лица и одновременно откидывая спутавшиеся пряди волос.

– Оливка, успокойся, успокойся, все прошло, ты в безопасности... Пожалуйста, Лив, расскажи, что с тобой произошло? Лив, пожалуйста... О, Боже, твое лицо... Лив, кто это сделал и где Джесси? Лив! – крикнул он ей строго, и Лив замерла, посмотрев на него глазами, полными слез.

Он хмурился и от него исходила дикая тревога, стремление что-то сделать, чтобы помочь...

Лив ощутила боль в груди: это болело ее сердце. Как сказать ему о ней? Как произнести это вслух? Как это пережить?.. Слезы снова покатались и она с трудом проговорила:

– Джонни... Джонни, я пыталась спасти ее... Я бежала к ней, но этот проклятый ублюдок поймал меня и я...

– Лив. – выдохнул Джонни, невероятно бледнея. – Что с ней?

Лив зарыдала в голос и крикнула:

– Она мертва, Джонни! Он пристрелил ее! Она...

Лив больше не могла говорить, рыдания душили ее, и она снова скрыла лицо в ладонях...

Джонни побледнел, как полотно, и рассеянно уставился в пространство, как-то потерянно обмякнув на стуле. Его глаза становились краснее, а тело била мелкая дрожь...

Лив вдруг поняла, каково ему сейчас. Он любил ее, он был ее женихом и, в отличие от нее, он знал ее всю жизнь... Оберегал, защищал и не защитил...

Она резко подняла голову и посмотрела на него. Он не мог принять эту мысль, не хотел в это верить... Но он не плакал. Лив упала перед ним на свои ободранные коленки и взяла его за ледяные руки.

– Джонни, прости меня, это я виновата! Если бы не эти двое подонков, я бы успела, я бы придумала, как вырвать ее из рук остальных... Но я не смогла... Джонни, они... я...

Джонни вдруг строго, но взволнованно посмотрел на нее и взял ее за плечи, нежно заглянув ей в глаза:

– Лив, о чем ты говоришь? Двое подонков... из рук остальных... Как ты вообще осталась жива? Что там произошло? Почему Бобби и Ларри пропустили их? Рассказывай, и пожалуйста, не говори, что ты виновата, это не правда.

Лив судорожно вздохнула и резко поникла:

– Бобби и Ларри... Черт... – она только что вспомнила о них и с болью проговорила:

– Эти четверо подонков убили их.

Джонни выругался и, не имея сил сидеть, вскочил на ноги, стремительно выхаживая назад, сложив руки на груди и хмуро и гневно слушая рассказ Лив о том, что было в их квартире. Лив говорила тяжело, с трудом переводя дух, терпя жуткую боль в животе и грудной клетке, а также в лице, но старалась не показывать виду. Когда она рассказывала сцену о том, что Джесси узнала рыжего и за это он пустил пулю ей в лоб, она еле сдерживалась от нового приступа рыданий, а Джонни схватил журнальный столик и с разбегу швырнул его в стену, тяжело дыша и ужасно страдая...

Но он смог переключиться, особенно после рассказа Лив о ее борьбе с номером два и о том, как она чудом осталась жива, благодаря неожиданной заминке.

– ...И я всадила ему в грудь нож... для мяса. – закончила Лив, потихоньку пытаясь вздохнуть. – А после убежала через кухонное окно по пожарной лестнице... Они даже «Файерберд» разбили... – шепотом добавила она, сокрушаясь.

Джонни сел около нее и долго-долго смотрел ей в глаза, затем сказал:

– Черт возьми, Лив! Откуда ты такая?.. Никто бы не выжил против четырех здоровенных мужиков, положивших всю охрану! И как тебе только удастся... – тут он заметил, как она тайком вздохнула, и строго и жутко встревоженно добавил:

– Проклятье, о чем я только думаю? Тебе же больно! Лив, едем ко врачу. У Эйдена есть личный доктор, он осмотрит тебя... А пока давай я посмотрю, вдруг что-то сломано? Я помогу тебе, малышка Лив.

Лив вдруг осознала, что практически голая. На ней была рваная комбинация, через которую отлично просвечивало нижнее белье, и ей стало стыдно. Она запахнулась в куртку, сморщившись от боли, и резко воскликнула:

– Нет! Джонни, на мне же только... комбинация... Ты в своем уме, кретин?

Джонни ухмыльнулся, но глаза его светили грустью и заботой.

– Лив, глупышка, мы же друзья. Клянусь, я не буду смотреть как...

– Идиот?

– Как мужчина. Но зато смогу оказать первую помощь. – с легкой улыбкой добавил он.

– Ни за что!

– Так я и знал. – выдохнул он. – Ладно, едем к доктору.

Лив замотала головой.

– Джонни! Я не поеду к доктору! У меня дела! Я должна выяснить, кто убил мою сестру, и совершить устрашающую месть! Я сотру в порошок каждого, кто хоть как-то причастен к этой ночи...

Джонни покачал головой, нахмурился и взял Лив за руку, спокойно, но жестко заявив:

– Тогда едем к твоему отцу. Он должен все узнать первым.

Лив вздохнула. Она хотела ехать к нему меньше всего, потому что верила, что он и был причиной того, что на них с сестрой напали, но Джонни прав. Это Джессика. Его старшая дочь. Настоящая и преданная...

– Ладно. Поехали.

На великолепной черной «Инфинити» с толстенной броней и тонированными окнами охранники Джонни довели его и все еще всхлипывающую и кутающуюся в его куртку Лив к ночному клубу «Иль чьело стелато» и ребята спокойно прошли в святое логово короля мафии Нью-Йорка.

Эйден сидел за массивным дубовым столом, курил сигару и копался в груде бумаг, переговариваясь с Брайаном, который расселся на кожаном диване в своем коричневом костюме и, тоже проглядывая какие-то записи, слушал указания босса.

– ... и через неделю нужно собрать дань с владельцев по району. Если Келдонс опять не заплатит, придется натравить копов на его зоомагазин... – задумчиво говорил Эйден, глядя в отчеты.

Брайан кивнул и спокойно ответил:

– Да, но его зоомагазин – это отличное прикрытие для распространения амфетамина и марихуаны, и Келдонс связан с нашими поставщиками...

– Тогда просто проучи его, Брайан. Я не спущу ему непослушание. – жестко ответил Эйден и в этот момент дверь распахнулась, и влетели Джонни и Лив.

– Джон? – удивленно проговорил Эйден, всегда относясь к нему как к родному сыну, и перевел взгляд на Лив. – Оливия? Что вы здесь... О, Господи, Оливия, ЧТО С ТОБОЙ??? – закричал он, кинувшись к дочери и усаживая ее на диван рядом с собой. Лив снова начала истерично плакать, не имея сил произнести это еще раз.

– Отец... отец... Я... Джесси... она...

– Лив! – громыхнул отец, сходя с ума от волнения и тревоги. – Успокойся! Что произошло? Твое лицо... и грудь... Боже, тот кто это сделал, отправится в ад ближайшим рейсом!!!

Оливия вдруг сдавленно всхлипнула и проговорила, ощущая ужасную дрожь:

– Он уже там, отец. Я всадила ему нож в грудь. Отец... Джесси... На нас напали и... – Лив зажмурилась, но тут на помощь пришел Джонни. Невероятно болезненным голосом он тихо, но отчетливо проговорил:

– Мистер Мартинес. На Лив и Джесси напали четверо ублюдков в масках. Они перебили всю вашу охрану... Джесси погибла. Один из этих... мразей выстрелил ей в голову.

Эйден медленно, с расширенными глазами посмотрел на Джонни, так же, как и сам Джонни, не имея сил поверить в эти слова... Брайан в ужасе замер, глядя на Лив парализованным взглядом...

И в этот момент Эйден заплакал.

– Нет... Джесси... моя дочь... только не она!!! Только не это!!! Почему?! – он рыдал, закрыв лицо широкими ладонями, и Лив понимала, что после жены его любимица – дочь – это самая большая потеря в жизни...

Брайан тоже плакал, отвернувшись к спинке дивана, и Джонни тоже нервно, с болью тербил свои руки, погружившись в свое горе.

Лив всхлипнула и вытерла слезы. Она вдруг неожиданно для себя положила руку отцу на плечо и тихо сказала:

– Прости, отец. На ее месте должна быть я... Но я не смогла ее спасти, и...

Отец вдруг резко поднял голову и заплаканными глазами посмотрел на нее:

– Не говори так, Лив! Ты бы не спасла ее... И это чудо, что ты жива, Господь дал тебе несокрушимую силу воли... Я буду молиться ему до конца своих дней за то, что он оставил мою младшую дочь в живых... Лив... – он попытался обнять ее, но Лив отстранилась.

Лицо Эйдена окаменело, но он тут же понятиливо кивнул:

– Прости. Рассказывай. И, пожалуйста, как можно больше подробностей.

И снова Лив, как и полчаса назад, переживала нападение этих мерзавцев... Снова слезы в тот момент, когда убивают Джесси... Злость и гнев в те мгновения, когда Лив говорила о побоях и попытке изнасилования со стороны номера два...

Эйден рвал и метал. Он кричал, ругался, швырялся вещами... Он плакал и снова выплескивал гнев, переворачивая мебель... А Брайан думал, замерев в одной напряженной позе.

Наконец, Эйден смог поддерживать продуктивный диалог.

– Значит маски и капюшоны... – задумчиво проговорил он, закуривая.

– Да. И Джесси узнала одного, что с рыжими волосами. – сказал Джонни. – Я понятия не имею, кто бы это мог быть...

Эйден кивнул.

– Я тоже. Но Джесс общается... общалась с множеством моих клиентов и соучастников... Она знала о моих врагах и друзьях гораздо больше, чем я сам. – Эйден вздохнул.

– Они убили всю охрану. – проговорил Брайан. – Это работа профессионалов... Чисто и без зацепок. Когда просто припугнуть не получилось, и ситуация вышла из-под контроля, им пришлось принять решение убрать девочек. Но Лив выжила.

– Выжила и найдет их всех. – злобно процедила Лив, сложив руки на больной груди и с трудом продохнув от боли.

Эйден снова задумался, заходя туда-сюда.

– Они называли друг друга номерами. Неоригинально. Половина преступников города пользуется этой фишкой. Нужно что-то еще, какая-то зацепка... Лив, милая, попробуй вспомнить... Хотя что-нибудь! Запах, акцент, глаза... Что-то, что сузит круг поиска.

Лив болезненно нахмурилась.

– Я же уже... – и вдруг ей в голову пришла яркая картина... Она на полу, умирает от боли, а этот ублюдок наносит ей удар за ударом, еще и еще... Эти ботинки... – Чтоб мне провалиться на этом месте!!! У них у всех были ботинки фирмы «GY»!

Она резко вскочила от своей догадки, тут же скорчившись пополам, но плюнув на боль, закричала:

– Я так и знала! Так и знала, что это сволочной дегенерат Уолш! Я убью его, убью, разорву этого урода своими руками... я...

– Оливка, Оливка! – прикрикнул на нее Джонни. – Успокойся.

– Дочка, дорогая, ты уверена? – встревоженно проговорил отец. – Мы должны знать сто процентов, потому что когда выдвинем против них оружие, это должно быть справедливо. Так ты совершенно уверена? Тебе не показалось? В такой ситуации...

Лив злобно всплеснула руками, закричав:

– Отец! Ты что, думаешь, я из ума выжила? Этот дьявольский ботинок несколько раз прилетал мне в лицо и грудь, я уже не говорю о животе! С такого расстояния только слепой может не разглядеть!

Эйден вдруг резко поник и тут же подошел к Лив, положив руки ей на плечи:

– Прости, милая, я совсем забыл, что тебе больно! Брайан, позвони доктору Калебу, он сегодня же должен осмотреть ее!

– Да, босс. – гробовым голосом ответил Брайан.

Эйден плюхнулся на диван и закурил:

– Если это Генри... Тогда возникает вопрос – почему? Он никогда не пытался пойти против меня, мои силы всегда были больше, и я могу стереть его в порошок... Зачем? Где мотив? Мы собирались объединиться... Лив, может ты все-таки ошиблась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.